

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗВЕЗДА

Орган Центрального Бюро Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии.

№ 160 (1462) ПЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА СРЕДА 11 июля 1923 г. Год издания 6-й № 160 (1462)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На июль месяц: достав. и тираж. 60 р.
Для рабочих оптов. и мелкоопт. К. П. В. и К.С.М. — 30 р.
С прилож. „Белорусская Деревня“ — 75 р.
Для крестьян — 40 р.
Цены указаны в донатках 1923 г.
ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:
За строчку вета для вникаемого места 35 к. в сутки, срочные на 50 проц. дороже.

Подписка и объявления принимаются в Белгостпечатни ул. Энгельса 8, во всех уездных городах в отд. Белгостпечатни и во всех п.-т. к-рах. Редакция помещается в Минске Советская, 97. Прием по делам редакции ежедневно от 12 до 3 ч. Телефоны: ред. 149, типогр. 226.

Последние известия,
К моменту выхода номера почтовых телеграмм не поступило.

Да здравствует свободная, трудовая, рабоче-крестьянская Белоруссия!

Ко всем трудящимся Белоруссии.

Рабочие, крестьяне и красноармейцы!

То ночам багровело зарево,
А днем даже солнце в дыму,
И выла сирена... Кому
те вспомнится старое?
Робко молчал каждый дом
И в ужасе ждал посетителей...
Грудное-ль дело—мирного жителя
В дому проколоть штыком?
Каждый дом,
Каждый булыжник знает
И слепо хранит безобразную тайну
О том,
Сколько жертв случайных и неслучайных...
Но помнят еще тот день
Когда сумасшедшею радостью криков,

Праздновал город столичный,
Сбросив ненавистный плен,
Праздновал этот день...
И медленно шли по панели
Освободители в рваных шинелях..

Знаем, не скоро, не скоро,
Не один еще год пройдет,
Воздвигнем мы новый город,
Город не прежний, не тот...
Знаем, в нем о былом не поверится,
Отойдут дни июльских невзгод
Но никогда, никогда в нашем сердце
Этот день не умрет.

Сегодня мы празднуем 3-ю годовщину освобождения нашей столицы—Минска от банд польских панов и эксплуататоров.
11-го июля 1920 г. под мощным натиском Красной армии, при дружном содействии рабочих и крестьян Белоруссии наша столица была освобождена от польской шляхты и ее наемников. БЕЛОРУССИЯ СТАЛА СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.
Мрачное время, пережитое Советской Белоруссией под игом ненавистных оккупантов, вписано в историю кровью белорусских рабочих и крестьян.
Черная реакция и произвол победоносно торжествовали в городах и селах Белоруссии, и без того уже разоренной и измученной тяжкими годами войны и оккупации. Польские помещики угнетали и разоряли белорусских крестьян, белая жандармерия кроваво расправлялась с рабочими организациями в городах и местечках. Обманутые польской буржуазией, польские легионеры грабили, издевались и расстреливали мирных жителей. Свирепым террором польская власть стремилась задуть революционное движение среди рабочих и крестьян.
Белорусский крестьянин и рабочий на террор польской буржуазии ответили народной войной—партизанщиной. Первый натиск Красной армии был сигналом, по которому белорусские партизаны стали наносить удары в спину польским захватчикам. Схватившая с двух сторон польская армия, в панике отступает.
Но польская шляхта захотела оставить „память“ рабочим и крестьянам

Белоруссии о своем пребывании. Уходя из Белоруссии, оккупанты беспощадно грабили и разрушали города, фабрики, железнодорожные станции, мосты, склады продовольствия, сельско-хозяйственные машины. В деревнях грабили жителей, забирали скот. В городах Белоруссии—Борисове, Бобруйске, Минске—произведены такие разрушения, которые придется залечивать целыми десятилетиями.
Всего только 3 года, как ушли польские паны из Белоруссии, а мы уже видим реальные результаты усилий рабочих и крестьян во всех областях жизни нашей Республики. Наша промышленность, хотя и слабая, восстановлена. Сельское хозяйство значительно поднялось вперед. Деревни и села быстро восстанавливаются. Советская власть в деревне укрепилась. Городские предприятия усиленно ремонтируются, города не столько изменяют свой внешний облик.
Рабочий класс организовался. Профсоюзы являются сейчас главнейшей опорой Советского государства. Великие достижения и в области народного образования. Широко раскинута сеть школ, созданы два высших учебных заведения.

Сегодняшний день—день освобождения нашей Красной Столицы—Минска от власти польской буржуазии, власти угнетающей и разрушающей. Сегодняшний день—день прихода в Минск власти пролетарской, власти освобождающей и создающей.
Оценивая это событие, как акт громадного исторического значения, Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Белоруссии объявляет 11-е июля Республиканским праздником.
Отныне в этот знаменательный день все трудовое население Белоруссии будет вспоминать историю своей тяжелой борьбы за независимость страны и один из этапов своих побед над налиталом.
В годовщину освобождения Минска от польских оккупантов Коммунистическая партия и ЦИК Советов Белоруссии призывают всех рабочих, крестьян и красноармейцев, а также всех честных граждан с прежней энергией и неутомимостью продолжать начатую, но делающую замечательную работу по восстановлению хозяйства Белоруссии, по укреплению ее политической и культурной мощи.

Три года.
Три года...
Нет, не три года, а всего только полтора года мирной работы, упорной, систематической советской работы.
Три года тому назад Минск был освобожден от власти белопольских панов. Но полтора года нужны были для того, чтобы поляки поняли, что Белоруссия для них потеряна раз навсегда.
И эта „выучка“ польской шляхты нам обошлась не особенно дешево. Полтора года непрерывной борьбы с бандитами, молодцами Савинкова, Балаховича и прочих „прогримных дел мастеров“.
Только полтора года работы, и все же нужно открыто сказать, что достигнутые результаты совсем не плохи.
Всякий новый человек, приезжающий в Белоруссию удивляется темпу нашего строительства, работоспособности нашей промышленности, той быстроте, с которой мы успели залечить свои раны.
Белоруссия,—не единственная страна, которая восстанавливается после разрушений войны. Наши враги нам не раз указывали на Бельгию—в течение нескольких лет Бельгия отстроилась.
Да, Бельгия отстроилась, и может быть, даже лучше нашего. Но она строилась, имея в карманах миллионы золотых франков, огромные суммы, уплаченные германским народом.
Мы же строили без денег. Мы строили кровью и потом белорусского пролетария и крестьянина. 22 фунта муки, фунт сахару, пару фунтов крупы и обед, в котором картофеля надо было рассматривать под микроскопом—вот, чем поддерживал себя рабочий в худшую половину этого трехлетия.
И все-таки строил—туже подтягивая живот, а машину гнал к машине, по гайке собирал и пускал в ход. Таскал на себе дрова, сам заготавливал, лишь бы двинуть завод в ход.
И на фронте наших культурных ценностей мы имеем не меньшее самопожертвование—университет, сельско-хозяйственный институт, наша народная школа—все они созданы самопожертвованием работников, при минимальных затратах государства.

А наш аппарат. При всех его недостатках, он сейчас намного лучше старого аппарата, сколько бы мы сами себя не критиковали.
Сегодняшний день—день освобождения нашей красной столицы, Минска, от власти польской буржуазии, власти угнетающей и разрушающей. Сегодняшний день это день прихода в Минск власти освобождающей и создающей. Так пишет в своем воззвании ЦИК Белоруссии.
Да, действительно создающей является наша Советская власть.
Но для того, чтобы создать, мы должны были разрушить. Но разрушая, мы всегда помним, что мы готовим почву для лучшей постройки.
Три года—срок крайне маленький. Но и за три года Советская Белоруссия успела чрезвычайно много. Уже мы не только вышли из процесса разрушения, но начали строить и при том с такой быстротой, которую сами себе представить не могли три года тому назад.
Рабочий сейчас уже забыл о 22 фунтах муки. Он сейчас в один день зарабатывает больше, чем зарабатывал раньше в месяц. Наша школа работает, и работает не плохо.
Нет ни одной фабрики, которая стояла бы.
И наше крестьянское хозяйство мало по малу поднимается вверх. Улучшается система обработки земли, постепенно крестьянин начинает перестраивать свое хозяйство на новый лад.
Советская Беларусь вступает в четвертый год органической работы над собою.
Нашим лозунгом должно быть: с неослабной энергией и настойчивостью надо строить один этаж за другим в гигантском здании, имя которому—Коммуна.
Крепче молот держи, рабочий! Крестьянин, крепи свое хозяйство! И фабрика, и завод, и культурное крестьянское хозяйство ведут нас наиболее быстрым путем к нашей заветной цели.
Годы истекшие были годами крупнейших достижений. Пусть и в дальнейшем темп нашей работы ни на минуту не ослабнет.
В НОДЕЛЬ.

Сегодня мы празднуем третью годовщину существования Сов. власти в Белоруссии—власти рабочих и крестьян.
Три года тому назад, в этот день наша славная Красная армия освободила Минск от польских оккупантов—польской шляхты и буржуазии. Волею трудящихся масс было избрано рабоче-крестьянское правительство.
Убегающая в панике расшвырянная польская буржуазия и армия разрушала и жгла города и деревни Белоруссии и устраивала погромы.
Рабоче-крестьянской власти предстояла огромная работа по восстановлению разрушенного.
Продолжая за эти три года работа говорит за то, что трудящиеся массы под знаменем Советской власти и на фронте советского строительства одержали большую победу, хотя восстановлено далеко не все. Нанесенные раны были слишком велики.
Трудящиеся массы Белоруссии осознали свою силу и на подвешенном фундаменте продолжают кропотливую работу.
Красная армия, которая твердо стоит на страже диктатуры пролетариата, благодаря упорному труду рабочих и крестьян, получает на четвертом году существования Со-

Сегодня мы празднуем третью годовщину существования Сов. власти в Белоруссии отрядами существующих уютные помещения.
Ликвидировав фронты, армия наша переходит к миллионной системе. Тем самым Советская власть вручает оборону страны всему трудящемуся народу.
Это есть доказательство того, что Советская власть спаяна с народными массами и Красной армией, что она крепка и сильна.
Трудящимися массами Белоруссии обращено большое внимание на создание мощного воздушного флота для обороны страны от набегов капиталистических хищников.
Сельское хозяйство оживает, восстанавливается. В 1921 году силы Советской власти были направлены на расширение посевной площади. А сейчас посевная площадь равняется довоенной.
На четвертом году мы работаем над усовершенствованием культурной обработки. Результаты начатой работы уже налицо. Их можно увидеть на подготовляющейся Всероссийской Сельско-Хозяйственной Выставке.
В области промышленности мы восстанавливаем, хотя и медленно, одну за другой фабрики. 47 тысяч рабочих и служащих заняты в предприятиях и учреждениях.

Да здравствует союз рабочих и крестьян!
Да здравствует авангард рабочего класса—Коммунистическая партия!
Да здравствует Союз Социалистических Советских Республик всего мира!
Да здравствует Красная Армия—освободительница угнетенных всего мира!
Зампредседателя Центрального Исполнительного Комитета Белоруссии и секретаря Центрального Бюро Коммунистической Партии Белоруссии
БОГУЦКИЙ.
Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Белоруссии
СТАШЕВСКИЙ.

Достижения трех лет.
Изделия наших фабрик побывали на Нижегородской и др. ярмарках, и даже на зарубежных рынках. Все это—благодаря усилению тяжелому труду.
В области культурно-просветительной работы достигнуто многое. Трудящиеся массы Белоруссии имеют свою высшую школу, свой университет и Сельско-Хозяйственный Институт. Оказалось это возможным только при Советской власти.
Теперь мы создаем свою пролетарскую культуру, создаем новое искусство—красоту новой жизни.
Празднуя сегодня великий день освобождения от ига польского пана трудящиеся массы Белоруссии шлют свой горячий пролетарский привет тем рабочим и крестьянам, которые находятся по ту сторону границы.
В. Б.

„Социалисты“ и „демократы“ привели Польшу к власти черной помещичьей реакции.

Под лозунгом июльского приказа 1920 г.

РОСКВІТ беларускай культуры.

«На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»
(Из приказа по Западному фронту).

Советская Белоруссия рождена волею революционного подъема. Ее начало положено в конце 1918 г., когда русская революция в деле превратилась в международную; когда втянутая немцами, чехословаками, каледонцами и Скоропадскими в грязь старой Москвы, Советская власть стала вытеснять окранные бывшей империи. Эта большевизация окранных не происходила и не могла происходить при помощи оружия — она произошла путем самоопределения малых народов в сторону Советской власти. Буржуазное самоопределение малых народов разложило старую Российскую империю и отдало малые народы в руки западных империалистов. Пролетарское, Советское самоопределение освободило их из-под гнета империалистов и привело их к Советскому Союзу.

Деятельный год был годом испытаний, насколько быстро мы сумели организовать и вовлечь в свою работу достаточно широкую рабочую и крестьянскую массы. Белоруссия этого испытания не выдержала.

И только в 1920 г., с новым приливом в международном движении, с новым ростом сил Сов. России, — как результат воздействия этих сил на старый буржуазный порядок, — возродилась и окрепла ССРБ.

Находящаяся между двумя мирами, Белоруссия не могла освободиться только своими собственными силами. Ее освобождение зависело от успехов революционного движения России, Германии и Польши. Прото коллегия Комитета КПД и В. в течение 1919—1920 г.

Советская Белоруссия — дитя русской в международной революции, она рождена революционными усилиями пролетариев не только самой Белоруссии, но, главным образом, России и Германии.

Поэтому — в шире всегда крепкая связь с СССР.

Поэтому — ориентация на международное коммунистическое движение. Военное выступление в июле 1920 г. началось под лозунгом — «на Вильну, Минск, Варшаву — марш!». Лозунгом, провозглашенным в приказе по Западному фронту тов. М. И. Тухачевским. Этот лозунг выполнен нами

только на одну — и притом меньшую — треть. Рабочий класс оказался недостаточно окрепшим и организованным, чтобы установить прямое сообщение, пролетариев Берлина и Москвы, но он остался достаточно сильным, чтобы поднять Красное знамя над Минском. Но наиболее далеко идущие лозунги лета 1920 года не могут быть нами забыты.

Советская Белоруссия — ее история, ее успехи и достижения — великий урок для всех националистов, национал-демократов и национал-социалистов. Когда мы выступили под лозунгом Советской Белоруссии, они ушли к врагам труда — немцам, польским панам и литовским кулакам для того, чтобы вести борьбу за буржуазно-самоопределение против пролетарского.

А теперь... Теперь они, как бытые собаки, поджав хвост, ходят из Варшавы в Прагу и из Праги в Ковно, ибо всякому честному националисту теперь видно, что их роль была предательской. Пусть они знают, и пусть знает всякая белорусская крестьянка, что гонение на белорусов в Гродненщине и Валешчине есть не только дело рук польских панов, но и тех белорусских националистов, которые пошли против Советской Белоруссии с ее врагами.

В белорусском национальном движении есть сила. Наша задача — эту силу приобщить к тем силам, которые являлись решающими в 1920 г., к революционному энтузиазму белорусского крестьянина и рабочего, к усилиям международного пролетариата и Красной армии.

Национальное «возрождение», национальное самоопределение в интересах буржуазии и под руководством буржуазных националистов — это путь к гибели. «Ничто», «ничто» — бесплодная трата сил крестьян и рабочих. Национальное «возрождение», национальная политика под руководством коммунистической партии — это средство вовлечения в активное государственное строительство все новых и новых слоев трудящихся. Та армия, которая наступала в июле 20-го года, была бедна, раздета, разута. Теперь времена изменились. Они меняются при нашем участии. Давайте возможно больше содействовать этому процессу.

Вспомните июльские наступления 1920 года, давайте строить нашу авиацию, наш воздушный флот, давайте укреплять нашу Красную армию.

В. Игнатович

Только три гадя і то ня зусім поўных. Тры гадя цяжкай працы над абудаваннем таго, што было аруйнавана і знішчана папрошчыкам, лепшавельможным «дэмакратам» панам Пісудзім. Мала культурных сіл, мала сродкаў, мала хлеба, але шмат дысцыпліны, анархіі, цяжкай працы; шмат пралетарскай салідарнасці, шмат сямейнага падтрымліваўнага ўзады.

Трэба падняць ня толькі дабрабыт рабоча-сялянскай Савецкай Беларусі. Трэба падняць і зацікаваць культуру беларускага сялянства і рабочага, беларускай культуры, якую талпатаі на працягу сотак год паўвучылі эканіагучыя класы за тое, што яна была культурай працоўнай масы, культурай сялянства і чорнарабочага. Само сабою зразумела, што кампартыя і Савецкая ўлада добра ведалі, што калі стала на ўзлі беларуская працоўная класа, то стане на негі яго культура і мова, але трэба было памагчы гэтай іспуентай культуры, памагчы ёй так, як і саміх працоўных масам у свой час.

І пайшла цяжка, упартая праца. Тры гадя рабочы і сяліны працавалі над сваёй культурай і мовай. Яны ва гэты час заслужылі, каб сягоння, у дзень вызвалення ад белых польскіх бандаў сэрца Беларусі, Менску, адначыць і парладзец на вынікі сваёй працы.

Па ўсяму гораду і па ва горадам раскінуліся адрамантаваныя будынкi нашых Вышэйшых школаў — Універсітэту і Ваекова-Гаспадарчага Інстытуту. Рабочы і сяліны са сваёю «мужыцкаю» моваю знайшоў там свае патэнае месца. Праз рабочы факультэт зьявіліся гэтыя школы з фабрыкамі і заводамі, а сахой і бараной. Кожны студэнт лічыць сваім абавязкам добра ведаць беларускую мову і культуру, бо гэта ёсць мова і культура працоўных масаў, якая будзе служыць праз усё свае жыццё малады энтузіаст, юнак студэнт. І школы ідуць на сустрэчу моладзі.

Шырока развінулася выдавецтва ў беларускай мове. Выдавецтва ўжо маецца, ужо явілася вылікае зацікаванне на беларускае друкаванае слова. Капітала выдавецтва растуць і робяць сёння вылікае абароты. Гэтыя «Савецкія Беларусі» — невялічкая ліставак выраста ў поўны штодзённы ліст з 4-ма старонкамі, каторых ёй вельмі часта не хапае і яна накрывае сваімі чорнымі радкамі і чырвоным заместам лішнія старонкі.

Вырас першы маркеецкі журнал у беларускай мове «Полымя», чацвёртая кніжка каторга на гэтых дзях павінна

выйсці в друку. Журнал згуртаваў укола сабе маладых беларусаў-маркеецаў і пракладае новыя спэекі ў арауменню і выяўленню беларускага руху. Журнал таксама пачынае выходзіць на ўсё шырайшую дарогу і здабыць сабе чытачоў нават у Амерыцы, Сібіры; прарываецца разам з «Савецкай Беларуссю» праз крывавы пароз кардону ў ваіменню Заходню Беларусь, дзе беларускі сяліны і рабочы ў радках нашай працы бачаць вялікую будучыню пралетарыяў усіх краў і сваёго забранага краю.

Дзесяткамі, а не адзінкамі, як раней, выходзіць в друку падручнік, навуковы-мастацкія творы нашых даследчыкаў і песьняроў, павітачныя кнігі і брашуры. Друкуецца першы раз у беларускай мове наш вялікі «Камуністычны маніфэст», каторы будзе пупыводнаю зоркаю на нашай калыне працы і барацьбы. Яшчэ год, і школа наша, у поўным складзе сямёхгодкі, будзе мець падручнік ў беларускай мове. Беларускае друкаванае слова праз школы, праз хаты-чытальні, праз гурткі ўжо дайшло да самых глухіх вясковых гучокі, да беднага сяліны. Ад яго яно прышло да нас у горад і, прайшоўшы праз гарадскую кузю, зноў вярнулася да яго, нясуця яму новыя думкі, новую культуру ў арауменнай форме.

З кожным месяцам расьлі ў нас навуковыя капіталавылікае, над выбіральнем і распрацаваннем каторых не пакладаючы рук працаваў Інстытут Беларускай Культуры. Ужо мы маем навуковую беларускую тэрміналогію. Наш архіў і музей з нічога вырасьлі ў вялікія скарбніцы, в каторых чэрпае і будзе чэрпаць поўныя прыгарышныя матэрыялы развіваўчае навука беларусаааўства. Наша бібліятэка ўжо ўвросла да 100.000 экзэмпляраў і праз некалькі месяцаў ўжо трэба думаць аб нашырэнні яе памешчальня.

За тры гадя значна вырас і беларускі театр. Рэпертуар збагаціўся п'есамі з сучаснага жыцця і з гісторыі Беларусі.

Шырыцца і прафэсіянальная аспагата. Найлепшы пайшлі педагогічныя тэхнікумы і тэхнікумы вясковай гаспадаркі. З гэтага гадя ўжо пачаліся выпускі нашых чырвоных спецыялістаў для вёскі. Новыя спецыялісты добра ведаюць беларускую мову і ахотно

ідуць працаваць для сяліны. З год ў год будуць нясьці тэхнікумы сваю працу і ўсё больш і больш кваліфікаваных работнікаў на ўсіх галінах.

Наш настаўнік за тры гадя вылікае сабе в найлепшага боку. «Учы ў наш чынай мове». Гэты дзень ён вылікае новае цвёрды і наўклопна. Ён добра вразумеў сваю ролю першага працара пралетарскіх ведаў у вёску. Ён ведае, што школа і ён, школьнік працаўнік, толькі тады будзе блізка да сяліны і масаў, калі звернуцца да яго на арауменнай мове. Цяпер у школах і ўсіх школах па ўсёй пачыўся пераход на беларускую мову. Вёскі беларускія школы і на гарадох. Адначасна працуець атройка і польскія школы. З 70-ці сямёхгодкаў маем 1 польскую, 4 яўрэйскі, а 85 сямёхгодкаў адна за другою пераходзяць на беларускую мову.

Ёсць ўжо і такія сямёхгодкі, у каторых усё групы ўжо працуюць у беларускай мове. Прымітывы і пачатковыя сямёхгодкі пабудаваны, в боку моладі, так, як і сямёхгодкі. З 1210 школаў — 46 яўрэйскі, 57 польскі, а ўсё астатняныя паступова беларусіфікуюцца. Каля 400 школаў ўжо працуюць поўнасьцю на беларускай мове. Беларускіх дзіцячых дамоў мы маем 40.

Настаўнік працуе не за страх, а за сумленне. Паднялася цікавосьць да краінаўства. Збіраюць матэрыялы, пішуць артыкулы, арганізуюць гурткі, малюць карты, дыяграмы і т. д. І ўсё гэта робіцца срод матарыяльных педхватаў, без усялякіх дапамогі. Наркамат Асьветы мае магчымасьць пахваляцца сваёю вялікаю армію асьветы. З такою армію шмат што можна будзе зрабіць для рабоча-сялянскай Савецкай Беларусі.

Развіццям беларускай культуры адзван в развіццям яўрэйскай і польскай культуры. Гамбоае спачуццё да прыгнечаных царствам культуры пашле на Беларусь. Кожны культурны працаўнік на Беларусі добра разумеў, што ён будзе новае жыццё, дае намі нацыянальнага ўпэску. Мы працуем і гаворым на чатырох мовах, але ўсё добра разумею адзін другога, бо мы грамадзяне аднай Савецкай Беларусі, бо мы грамадзяне аднай вялікага Саюзу Савецкіх Сацыялістычных Рэспублікаў.

У. Ігнатович

Савецкая культура — богацьце працоўных.

ТРИ ГОДА РАБОТЫ

Теперь, после 3 лет более или менее нормальной работы нашей промышленности, мы можем посмотреть пройденный путь и осветить в памяти этапы, оставленные далеко позади.

После занятых г. Минска, в июле 1920 года, пришлось снова организовывать аппарат промышленности и постепенно учитывать те небольшие остатки предприятий, которые остались нам после ухода поляков. Владелицы предприятий, зная заранее, что польская оккупация Белоруссии есть явление временное, старались все возможно немедленно реализовать и увезти за границу. В результате нам осталось весьма немногое.

Аппарат Совнархоза, в первое время созданный из совершенно случайных людей, чуждых, в значительной степени, интересам рабочекрестьянской власти и состоявший из бесчисленного количества отделов, подотделов и секций, в сентябре 1920 г. насчитывал уже приблизительно 1200—1300 человек. В основу построения его было введено регулирование абсолютно всей промышленности.

Промышленные предприятия после эвакуации оказались разрушенными, отдельные части машин и оборудования были вывезены. Таким образом, для того, чтобы пустить тот или другой завод, необходимо было, прежде всего, приступить к его ремонту и восстановлению. Оставляя предприятия, владельцы старались вывезти и распродать все возможное и бросали только слишком громоздкое или малоеценное. К тому же за время безвластия преступным элементом отдельные предприятия были подожжены, что еще ухудшило положение.

Эвакуация в сентябре 1920 года опять разрушила полностью все то, что с большим трудом создано было в течение 2-х м-цев. Все, что возможно было взять с собою, части

машин, сырья и фабрики было нами эвакуировано, и, таким образом, по возвращении в Минск, в октябре м-це пришлось начать работу с начала.

Особое внимание, ввиду необходимости обслуживать армию и жел. дороги, Совнархоз уделял кожевенной, швейной и обувной промышленности, которые стали работать более или менее нормально. Работа проводилась без заранее намеченного плана и только в начале 1921 г. Совнархоз приступил к составлению производственной программы и плана дальнейшей работы. Оценивая в настоящее время этот план, можно заметить, как вследствие нашей неопытности, мы недостаточно охватили работу промышленности.

Возьмем, к примеру, спичечное производство. По производственной программе — максимум 1921 г. выработка была рассчитана по фабрике Березина на 28.500 ящиков спичек в целый год и по фабрике Вулкан на 9000 ящ., при общем количестве рабочих в 565 человек, в то время, когда за 22—23 год выполнено было 88.000 ящ. в год на одной только Березине (при значительно уменьшенном числе рабочих).

По составлению производственной программы в 1921 г. пред С.Н.Х.Б. стал во весь рост вопрос о необходимости во что бы то ни стало расширить свои средства, отсутствие которых часто ставило под угрозу наладившиеся ударные работы кожевенных и других заводов. По плану была в центр делегация во главе с председателем т. Вайнштейном. Результаты не были блестящими: было отпущено несколько вагонов табаку и некоторое количество сырья для стекольных и спичечных предприятий, но оно только в незначительной мере могло покрыть потребность нашей промышленности, даже при значительно

уменьшенной производственной программе 1921 г.

В настоящее время мы с гордостью можем вспомнить о преодоленных трудностях и тех мытарствах, с которыми приходилось производить дооборудование заводов, чинить и восстанавливать отдельные части машин, заготавливать сырье. Сметы приходилось составлять для Наркомфина с некоторым «запасом», приходилось визировать все расходы и ассигновки в Р.К.И. Часто пока все эти формальные требования не проходили, суммы по сметам, вследствие падения рубля, значительно отставали от рынка, и приходилось все пересоставлять.

Зима 20—21 года была тяжела не только для населения, особенно она была чувствительна для промышленности: переживали жестокий топливный кризис. Для того, чтобы хотя поддерживать паровые топki заводов и стекольные печи, не говоря уже о нормальной работе, рабочие заводов самоотверженно сами заготавливали дрова.

На работу промышленности влияла близость фронта, создавая необходимость приспособления большей части производства к нуждам армии и, наконец, недостаточная определенность во взаимоотношениях военных и гражданских органов.

Связь с нашими предприятиями, расположенными по периферии, была плохо налажена вследствие бандитизма. Налеты бандитов на отдельные заводы, не говоря уже о поджогах и разрушениях, нарушали всю работу.

В то время существовало плавное снабжение, которое сводилось к бесплатному отпуску продуктов промышленности. Эта система не заставляла интересоваться, во что обходится себе самому тот или иной предмет производства, и себестоимость всегда была проблематичной.

Очень часто отпуск изделий фиксировался только количественно. С переходом к новой экономи-

ческой политике начинается постепенный переход в работе промышленности. Промышленность освободилась от необходимости представлять свои расходы на визирование Р.К.И. и тем самым постепенно приняла характер, соответствующий условиям жизни.

Организационные формы промышленности с переходом к новой экономической политике коренным образом были изменены. Новые формы: «Групповые Управления» были построены по производственному признаку и по принципу наибольшего приближения к самим предприятиям. Предназначены они для исключительного управления государственными предприятиями.

Работу Групповые Управления начали опущую, постепенно, сообразно требованиям жизни, меняя формы деятельности, переходя к методам, более гибким и реагирующим на потребности рынка.

Самый состав работников и руководителей управлений и предприятий был значительно и постепенно сокращен за эти три года. Теперь на каждых сто рабочих мы имеем около 10 служащих, вместо прежних 25. Значительно повысилась и качественный состав сотрудников, так как случайный налет 20—21 года был устранен. В большинстве случаев теперь мы имеем старых работников, с большим опытом, прошедших суровую школу нашей революционной и советской работы.

За последний год особенные успехи достигнуты в области увеличения производительности труда как рабочих, так и всего производства предприятий, путем их концентрации.

Белоруссия, как край земледельческий, преимущественно имеет весьма слабо развитую промышленность. Главная отрасль ее здесь — это лесное хозяйство. Большое количество лесопильных и дрожжево-винокурных заводов Совнархоз сохранил за счет неценных для государства предприятий. Цифры за

последний год работы это подтверждают. Из общей суммы заводского баланса белорусской государственной промышленности в 4.772.206 золотых довоенных рублей 24% падает на пиленый лесной материал, 19% — на дрожжевое производство, 13% — на спичечное, 12% — на кожевенное и 8% — на стекольное, а остальные 24% на иные отрасли производства С.Н.Х.Б.

В настоящее время, после 3 лет работы, мы можем с гордостью сказать, что работа нашей промышленности стоит на правильных рельсах. Оплата труда рабочих, выражавшаяся в 20 году приблизительно в 1—1½ толарных рубля, в настоящее время, в среднем, увеличилась почти в 20 раз, а в некоторых случаях и еще значительно.

Параллельно с этим за этот же период обеспеченность заводов в средствах значительно возросла.

Учет нашей работы и опыта поставлен хорошо и это дает возможность исправить те ошибки, которые возникают в процессе работы. Это большое достижение. Хозяину промышленности — рабочему классу — будут в нормальные сроки доставлены балансы, что даст ему возможность корректировать работу ее.

Нашей будущей задачей к пятилетню освобождения г. Минска от белополяков является нагрузка наших работающих заводов до максимума, усовершенствование технического оборудования, дальнейшее улучшение нашего аппарата, управление с таким расчетом, чтобы к новому юбилею иметь аппарат, способный полностью обслуживать как нужды самой промышленности, так и нужды потребителя.

Необходимо и в дальнейшем продолжать, как и в минувшие трудные годы, нашу работу совместно с профсоюзами. Профсоюзы оказали промышленности значительные услуги, и им последняя обязана своим ростом. При такой совместной работе все стоящие перед нами задачи будут нами выполнены.

М. Милонский

В ДНИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

11-е липня

Які пам'ятні дні для нас, блутих падпольцаў Беларускай Камуністычнай Арганізацыі. Як быццам гэта ўчора было. Асабліва яскрава стаіць перад мною наш магутны барацьбіт Сьцяпан Булат. З вінтоўкаю, апаляненым летнім сонцам, з паднятай галавою, з вясёлым выгладам, прышоў ён у наш падпольны "штаб" на Казароўскай вуліцы. «Нашы прыйшлі. Ура».

Зьвікла дэма падпольля. Зьвікла белыя прыгоншчыкі на Беларусі. Партыйны часы нават ня верылася, што для Беларускага рабочага і селяніна, што для нас, паўстанцаў - падпольцаў, пачынаецца новае жыццё, новы праца і новы абавязкі.

Прышла у Менск тая партыя, да якой аднавіліся мы з свайго падпольля, як слабеўшая белая расьліна да магутнага чырвонага сонца. Камуністычны Ідэал, камуністычны настрой, камуністычная барацьба у падпольлі звязывалі нас з магутнай праўдывай пралетарскай масаю — камуністычнай партыяй.

Яе праграмаю мы жылі, для яе мэтаў мы паставілі на карту наш асабісты дабрабыт і нашае жыццё. І шмат хто з нас не дачакаўся яе прыходу, выгнаны ад Беларускай кулі і шпата, абараняючы інтарэсы пралетарыяту і селянскай беднаты Беларусі.

Загінулі яны, выбры нашай арганізацыі, але арганізацыя была жывая, бо можна забіць рабочага, можна забіць і селяніна, але ня можна забіць рабоча-селянскай, сацыяльнай рэвалюцыі, ня можна забіць магутных, многалітых працоўных масаў.

Сьляма і пачэста вам, згінуўшыя барацьбіты. За працу жыцьця барацьбіты!

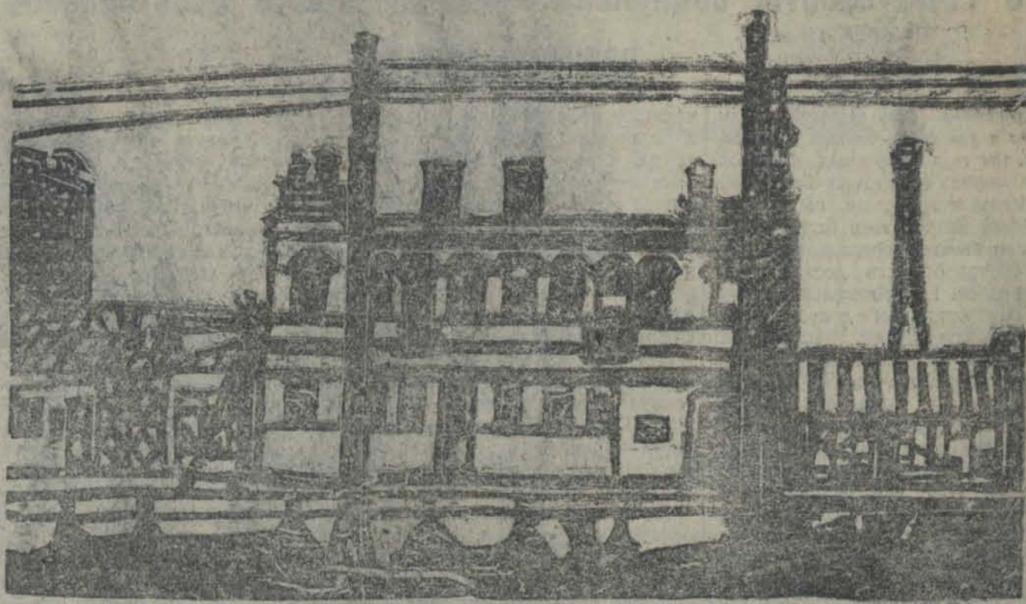
Камуністычная партыя адчыніла перад вамі дзьверы і прышла «нас у свае шэрагі. Напроць, без трохі словаў, без лімонтажы, старыя камунітары разамкнулі рады і аслабілі для нас месца. З радасьцю, з сьвэань-

нем сваіх абавязкаў, з загартаваным барацьбою сэрцам увайшлі мы ў гэтыя шэрагі, каб ісьці далей «у бой загані на працоўны парод». І партыйная каляна пайшла далей.

Увайшлі мы ў партыю шэраю масаю, якая як-бы прадстаўляла сабою гэтую заганіну і забітую капіталам шэрую масу Беларусі. Мы ўсё добра ведаем, што дробная селянства ўласнасьць не ратуе, а губіць селяніна; што толькі Камунізм нясе яму паратунок; што толькі з камуністычнай партыяй на дарозе беднаму Беларускаму селяніну. Але ў нас было мала марксісцкіх ведаў, мы былі слабымі тэарэтыкамі. Мы з велькаю цяжкасьцю разабраліся ў праграмных і арганізацыйных пытаннях. Вылучым было для нас нацыянальнае пытаньне, бо мінула нацыянальнае адзек і ўцёк над нашай «хамскаю» моваю і культураю рабў нас вельмі чулым і абразлівым у нацыянальных адносінах.

Тры гады працы нашай у партыі і тры гады працы партыі ў адносінах для нас хутка прайшлі. Папер мы куды мацнейшыя, чым былі раней. Мы так моцна врасьліся з нашымі старымі таварышамі, што ўжо не магчыма на арганізму партыі знайсці рысачку нашай арыганізацыі. Праца і барацьба ў партыі на працягу трох гадоў далі нам яшчэ мацнейшы гарт, далі нам адпаведныя веды і добрую пробу, усталілі нашы погляды і адносіны да нацыянальнага пытаньня. Наш ранейшы камуністычны настрой змяніўся на марксісцкі камуністычны сьветагляд, які дае нам магчымасьць зьліка і правядоў разбірацца у галінах сучаснай барацьбы і знаходзіць спрад забутых сьцежак сучаснасьці наш проты шлях да лепшай будучыны працоўных масаў ня толькі Беларусі, але і ўсёй краіў.

В о у к.

Фабрыка «Орел», разрушэная полякамі.

11-VII 20 г.

СОВСЕМ НЕДАВНО...

11-VII 23 г.

(Воспоминания).

Мне вспоминается опубликованный, правда, несколько позже, исторический для Белоруссии приказ войскам Западного фронта: «На Борисов, Минск, Варшану, — марш!»

О боем красные войска занимали одну позицию за другой, форсировали реку Березину и решительным натаском повели наступление, с целью скорейшего освобождения Белоруссии от белополяков, «культуртрегеров».

Наше командование было великодушно осведомлено о положении в Минске и о той панике, которая предшествовала эвакуации польских военных и гражданских властей из города.

В городе творилось в это время нечто невероятное.

Слухи и следовавшие затем и подтверждение их факты о быстром продвижении вперед красных частей, сочувственным настроением крестьянства приводила в бешенство польское командование. Генерал Шенгальский со своим штабом был в иррациональном настроении, полуживая думерия и дефензивная неустойчивость вали. Усилились аресты, задержки входного потока, кто попадался под любую руку, называли, глумились. Серпуховская 5 (дефензива) стала сплошным адом. С «юстеруков» часто по ночам доносились крики. В городе уже с месяца, было введено осадное положение: свободное хождение разрешалось лишь до 9 час вечера, после чего все погружалось в мрак. Повсюду шла повальная обыски.

Поляки, поняв, что наступление Красной армии происходит «всерьез и надолго», спешно эвакуировались.

8 и 9 июля из города уходили последние «регулярные» польские воинские подразделения. Но, увы, это уже была деморализованная, разложившаяся и прогнившая до основания масса поджигателей, бандитов и грабителей.

«Жолнежи» распродают по дороге далеко не за бесценок любому

встречному награбленные вещи: скарб, рухлядь, утварь и ценные вещи, добытые изломанных магазинов, квартир, кооперативов и складов. Часто после «сделки» покупатель тут же убивался.

У нас во дворе помещалась отделившаяся автогрузовая колонна. Дисциплина в этой части была палочной, нагнетанной. Ночью иногда слышно было из гаража, как кто-то спержално стонет: это наш поручник с нягайкой в правой руке и браунингом на всякий случай, в левой дубасил «пса криво» за различные мелкие проступки.

Накануне своего выезда шофера, очевидно, по приказанию своего высшего начальства, решили оставить по себе паняг. Под вечер в мусорной яме была найдена подброшенная бомба. Такие «номера» практиковались довольно часто. «Канарика» и не такие колена загибали: в частных квартирах оставались с целью провакации патроны, головные каски и оружие, за которые обыватели потом привлекались к ответственности и прасуджались военно-полевым судом к смертной казни.

Артиллерийская канонада между тем приближалась все ближе и ближе, гул орудий становился все слышнее. Польские арсегарды и обозы поспешно выбрасывались из города. Несмотря, однако, на такую поспешность, польские «цивилизаторы» нашли достаточно времени, чтобы взорвать железнодорожный мост, уничтожить два вокзала, поджечь несколько зданий, в том числе военный госпиталь и мельницу, и разрушить несколько пунктов, не имевших никакого стратегического значения.

То была уже агония.

В воздухе пахло уже «Интернационалом».

9 го утром над городом повисли первый разведчик — Красный Самолет. Настроение у всех как то при-

поднялось. Уверенность, что грядущее освобождение где то совсем близко, стала крепчать. По городу уже разгуливали вооруженная самооборона.

Из подполья повыпесали «двери», прятавшиеся до тех пор по своим берлогуам.

Не утерпел и я, решил пройтись, посмотреть, понюхать.

Стал осторожно открывать калитку... и не напрасно — между калиткой в забором лежала гравата с капсулом, положенная с таким расчетом, что при открытии калитки она должна была неминуемо взорваться. Очевидно, такие сюрпризы и подарки со стороны «доброудничных» солдат вызывались изнебом беднягой польской армии».

Вот я в городе. Легко дышется. Встречаю товарищей, делимся впечатлениями.

Ночь с 10 на 11 прошла спокойно. А к полудню следующего дня в город вошли наши кавалерийские разведки и авангарды пехоты, успевшие словить несколько отставших из приятельских обозов.

За городом шла перестрелка, а в городе население восторженно встречало Красных орлов — освободителей.

Из моей памяти никогда не выгладится один маленький, но весьма характерный эпизод: у колонального магазина со взломанными ставнями и разбитыми окнами в нерешительности останавливается оборванный, усталый и голодный красноармеец. В разбитое окно магазина быстро просовывается его рука и, что бы вы думали, вытаскивает оттуда кусочек, красной бумаги. Наворачивает его на околышек фуражки, прикрепляет пятиконечной звездой.

Эта звезда и засияла ярко над Красной Белоруссией. Через пять-шесть дней в городе был установлен образцовый порядок.

Н. Моселевич

Минск в дни эвакуации.

С 4-го июля началась спешная эвакуация белополяков из Белоруссии. 9-го началась пожары. Горели целые районы города, главным образом, окраины. Так, были сожжены Александровский и Западный вокзалы и прилегающий район, включавший всю Вобруцкую улицу, с жилищами железнодорожных служащих, сгорели дровяные склады с большими запасами дров, сгорела на Советской ул. обувная фабрика «Орел» с прилегающими строениями, большая мельница, казенный винный склад, ряд домов на ул. Волод рского и т. д.

Благодаря героическому сопротивлению огню рабочим и служащим, были спасены городская электрически-водопроводная станция и другие фабрики и заводы.

Пожары, меж тем, не прекращались и к 10-му они приняли громадные размеры, грозявшие не только отдельным районам, но и всему городу. Все пожарные принадлежности были уведены по распоряжению польского командования.

В районе Лаво-Ромевского вокзала пожары помогало тушить все местное население, опасаясь за свои жилища.

В субботу 10-го стала слышна приближающаяся канонада, раскаты выстрелов тяжелых орудий, дальний треск пулеметов. В ночь с субботы на воскресенье уже были слышны выстрелы на окраинах города.

Радость жителей была неопишима. А отступающие польские части продолжали грабить. Необходимо было противодействовать грабежу отступающих поляков. И для этой цели во многих концах города были организованы отряды для самообороны, не имевшие даже достаточного количества винтовок. Такие отряды самообороны часто обезоруживала польские банды.

Только утром мы дождались. В город вошли передовые отряды красных. Их встретили колокольным звоном и радостными приветствиями.

Сегодня, в третью годовщину существования Советской власти у нас в Белоруссии, мы должны благодарить нашу освободительницу — доблестную Красную армию, раскрывшую перед нами путь к независимости белополяков.

Григорий Бр.

Перед приходом красных.

Тяжелой пятой давняя польская оккупация. «Большевик», «кацап» не сходили с языка польского жолнежа. Плетки пользовались самым широким применением. Не были без употребления, понятно, и приклады, а подчас — штыки и заряды. Население стонало и ждало избавительницы — Красной Армии.

В начале июня встревожилась и зашевелилась польская армия; к фронту начали поступать подкрепления. Население встрепенулось. Поляки, как в агонии, металась и неистовствовали. Гулче и выразительнее вздыхали орудия.

Погода стояла яркая; безоблачное, голубое небо и ослепительная зелень. В тихие ясные вечера слышалась стрекотия пулеметов, выливающаяся на расстоянии в жуткую протяжную, журчащую мелодию. Поляки стали нахальнее. Насилие росло. Население тревожилось и припрятывалось...

— Большевики сегодня утром перешли Березу, — говорили в кучке сгруппировавшихся крестьян.

— Ну? акуль ты знаешь?

— Сегодня ко мне заезжал один подводчик, как говорил, что верст десять уже пройшли.

— Дай божа. Дай божа — хором подхватывали крестьяне.

— Ни даром сягонья усю ночь спать не давали, так грукатели, што аж зямля и неба трасились.

— Дай божа, Дай божа! Вот калы хвоба бог змилуется над нами.

— На бог, а бальшавики... да вот гляди: нешта куринь па дарозе... едуць! — Мо обов польский иде... Ховайтеса! Разговаривавшие как в воду канули. В деревне вончарилась мертвая тишь. Обоз в'ехал в деревню.

— Где ту солтыс? Солтыс (староста)? Холера! Пшакрев!!!

Через минуту на улицу выбежал трысунный седой старик.

— Ты, стары пёс..... мать! чего там седишь и мильчынсь? а! Плетка опустить на спину тарика.

— Где ту дрога (дорога) до Гжебли (деревня)?

— Вон тудою калы агародов едьте — указывае староста, и отвер-

нувшись, в злобе и страхе, шепет себе под нос: «едьте, каб вам не вярнуцца!». Уехал, громыхая, обоз.

К вечеру усилилась канонада. В деревню забегало несколько растерявшихся польских солдат. Все были без винтовок.

Вечерело. Дали стусеивались в вечерней мгле. В лощинах пополз туман. Ночь взяла свое: все, что возилось днем, беспокоилось, барахталось — теперь улеглось, заснуло.

Ночь давит своей тишиной. Хочется жить быстро, быстро, скорее покончить с неопределенностью положения, а тут каждая минута растягивается в целую вечность.

Утро. Кой-где заскрипят ворота, захопнется дверь. Деревня пробуждается.

В деревню спокойно, почти без шума, входит батальон солдат. Тянутся орудия. Впереди человек тридцать конных. С первого взгляда трудно определить, кто: поляки или большевики. Медленно, с опаской вылезают из хат. Так и есть: большевики! В миг оживилась деревенская улица: и стар, и мал — все вышли встречать освободителей.

— Спасибо вам, дорогие наши.

што ни забыли на нас, а прийшли абараниць, — горячо благодарит старик: зайдите, товарищи, перекусить немного; гляди, загладался...

— Нам бы хлебушка, отец, немножко... маленько-то... что уже тут... Вас поляк, поди, из духу и так вышиб?.. Чего тут...

— Товарищи, товарищи! для вас да чтоб не хватило!

— Ты какой губернии, милой? — говорит середняк крестьянин, ведя за собой группу красноармейцев.

— Что, отец, запугали вас тут паны? издевались, чай, здорово?.. У нас это все известно было.

— Расстреляли много, паночки.. тьфу! все паны у галаве, каб их горькая нядоля сустрела, гадоу! — злился старик на свою оплошность.

— Ну, ничего, это на всех хронтак бывае: пока привыкнут к нам, везде панами или господами величают.

— Эх, братцы тяжело нам было после первая вагата наступления, когда вы назад отступили за Березу: параз'едались паны, як гады — носы из хаты ня выткнуць. «Бальшавик» и усе тут... резали тут нас, постреляли многих!..

— Ну, мы их теперь за то в один завтрак с'едим... Дашь Варшаву!..

Часть красноармейцев разошлась по домам, другим, оставшимся на улице, бабы на улицу вынесли покушать: хлеба, молока, сыра сала. Праздник настоящий. А герои дня — красноармейцы рассказывают собравшейся деревне, как Березину переходили.

— Артиллерия к нам на помощь под'ехала, начала бить... здорово били!.. Наши молодички так и бросились в огонь!.. много погубило... Эх... дашь Варшаву! — красноармеец потряс рукой в воздухе.

Крестьяне послали в лес за лошадьми, сменили уставших подводчиков, и батальон двинулся вперед.

— Дай бог удачу вам, — говорили от'езжавшим красноармейцам оставшиеся дома крестьяне: — Век вас не забудем!

— Бог-то при чем, отец? Мы против бога тоже воюем; бог пусть полякам помогает, а мы их всех вместе в Варшаву погоним, а там — на небо, да и с неба спорем...

Все засмеялись.

С. П. Худосин

ГОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

3 года работы социального обеспечения и крестьянской

взаимопомощи.

Беспощадную борьбу бедствий, нужды, нищеты и разгрома застала Советская власть три года тому назад после ухода белополяков из пределов Белоруссии.

Рабочие и трудовые слои городов были ввергнуты в безработицу. Деревня была дезорганизована. Детская беспризорность достигла своего предела. Неудивительно поэтому, что с приходом долгожданных красных правителей, потянулись тысячи рук за помощью, с воплем о куске хлеба, натальной рубашке.

С присущей Советской преданностью и любовью к нуждам обездоленных, были немедленно развернуты все социально-культурные органы, которые, что называется, на ходу, начали зализывать кровоточащие раны, оставленные на теле населения «ясновельможными».

Органы социального обеспечения, подкрепленные материальными ресурсами центра, широко развернули дело помощи.

В течение короткого времени были построены убежища и дома для разных индивидов; организованы с большой пропускной способностью столовые и пансионы.

Помощь проникла скоро и в деревню, куда было двинуто большое количество мануфактур, соли, стельки и т. п.

Число нуждающихся в помощи достигло сотен тысяч. Вскоре к ним прибавились жертвы бандитизма, который при помощи зарубежных молодцов охватил всю Белоруссию.

В отношении помощи инвалидам войны были разные моменты. Первый сводился исключительно к снабжению. Такой метод обслуживания не сулил хороших результатов.

Надо было вернуть инвалидов к труду, превратить их в полезных членов общества, тем более, что сами инвалиды тянулись к этому.

Благодаря прозеживанию, обу-

чению и переобучению, мы теперь в Белоруссии имеем новую армию труда. Почти прекратились бесконечные разъезды инвалидов. Оседлость, тяга к семейному устроению жизни и полезный труд — связь с обществом и коллективом — вот что характеризует теперь инвалида. В последние первомайские торжества большая часть инвалидов шла под флагами профсоюзов.

К этому надо добавить намечающиеся сейчас кооперирование инвалидов, плоды которого скоро скажутся. Само собой понятно, что государство представит разные льготы трудовым инвалидам и никогда не откажется от помощи им.

Несколько меньше приходится останавливаться на положении инвалидов труда, в виду перехода таковых в органы социального страхования. Поскольку, однако, в их обслуживании существует контакт между Собесом и Соцстрахом, необходимо упомянуть, что для них в настоящее время Наркомсобесом строятся удобные оборудованные помещения.

Одно из таких учреждений будет открыто 11-го июля и трудящиеся Минска обогатятся еще одним завоеванием, которое по своему устройству будет одним из громадных достижений призванных к жизни октябрьской революцией.

Белорусия идет там же на первом месте в области помощи семьям красноармейцев.

Это обязательство засвидетельствовано представителями военных органов на последнем съезде собесов. Помимо нормальных ставок, выплачиваемых ежемесячно Собесом, всячески изыскивает дополнительные виды помощи.

Значительную помощь Собесу оказали Ара и американская организация Джойнта.

В процессе своей работы Собес

искал новых путей и одним из таких оказались крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. С отменой продразверстки и введением продналога, государство уже не могло выделить достаточных средств для социально-нуждающихся слоев деревни.

Между тем, деревня изобилует бедняцким элементом, которому нужна помощь. Тут и большая масса инвалидов войны, вернувшихся к своему хозяйству, но не имеющих возможности вести его, благодаря изрядной потере трудоспособности; тут и семья красноармейцев; к этому надо добавить бедноту и тех крестьян, которые разорились от оккупации. Надо было организовать дело помощи. Эту задачу взяли на себя комитеты взаимопомощи. Основные на добровольных началах, на взаимопомощи и самостоятельности крестьян, комитеты взаимопомощи стали втягивать в себя нуждающиеся крестьянство.

В результате, вместо прежней пассивности и даже недоверия — сейчас мы имеем полную поддержку трудового крестьянства. За последний год созданы фонды в десятки тысяч пудов ржаных единиц. Общественными силами обработано большое количество земли. Крестьянская взаимопомощь вступает в следующий год работы окрепшей, со значительными ресурсами на усиление деятельности. Этот новый вид советской общественности служит лучшим показателем того, что только при Сов. власти можно призвать к жизни сотни и тысячи работников земли.

Вот те скромные успехи, которых мы достигли за 3 года социального обеспечения. Самое тяжелое осталось позади. Впереди идет углубление и расширение работы социального обеспечения.

М. Марьясин.

Народное просвещение Белоруссии

Период стихийного роста.

Народное образование Белоруссии за три года существования Советской власти пережило два периода: период стихийного роста культурно-просвет. учреждений и период их сокращения, в связи с новой экономической политикой. В настоящее время народное образование вступило уже в третий период своего развития — период плановой и планомерной работы, характеризующейся постепенным, медленным развертыванием культ.-просвет. учреждений, как в качественном, так и в количественном отношении.

Годы революции были годами народного энтузиазма, необычайного рвения, который характеризует всю нашу работу в первое время Советского существования. Естественно поэтому, что в народное образование в первые годы советского строительства получало тоже необычайно широкий размах. Инстинктивное стремление населения побороть веками накопившую тьму и невежество, наверстать потерянное во время тяжелого парского режима, шагнуть сразу на несколько десятилетий вперед — вот те мотивы, какие легли в основу работы по народному образованию первого и, отчасти, второго года Советской власти. Не Наркомпрос и его органы на местах были строителями, — строителем было все население в целом. Почти не было ни одной деревни, ни одного более или менее населенного пункта, который бы не открыл школы или читальни.

В чем заключались недостатки этого периода.

Культурно-просветительные учреждения росли быстро, и органам народного образования не было никакой возможности не только руководить их организацией, но даже точно и своевременно учитывать.

Во всем этом скрывалась глубокая положительная сторона и если бы просветительные учреждения имели значительную материальную базу, то через несколько лет вся Советская федерация в том числе и Белоруссия покрывалась бы сетью образовательных культурно-просветительных учреждений. Но этой материальной базы не было: все открываемые учреждения переходили на полное содержание государства и тяжелым бременем ложилось на истощенный за период империалистической и продолжающейся гражданской войны Государственный бюджет. Материальные ресурсы таяли с каждым днем, культурно-просвет. силы в средствах расширялись, руководить работой в силу стихийного роста учреждений и отсутствия материальных ресурсов не было никакой возможности.

Учреждения вследствие всех этих причин отставали, не успевая расширяться, постепенно глотали и старые культ.-просвет. учреждения, перешедшие к нам в наследство от старой буржуазной эпохи.

Так было до января месяца 1922 года.

По всей Белоруссии числилось учителей, работающих в школах:

в 1917 г. —	1526
в 1919 —	2086
в 1921 —	4788

не говоря уже о чрезвычайно развинутой сети полтако-просветительных учреждений; одних хат-читален по всей Белоруссии в 1921 году числилось 1118.

Для обслуживания и руководства всех культурно-просветительных учреждений был создан аппарат Наркомпроса Белоруссии, достигавший 767 человек.

Все это еще более затрудняло материальную поддержку школе.

Хозяйственные нужды учреждений почти совсем не покрывались; так, на все количество учреждений за весь 1921 год было отпущено 510

куб. дров, тогда как за 1922-23 учеб. год только на 10 учреждений было израсходовано 500 куб. дров. Жалованье культурно-просветительным работникам в среднем, не считая найма в 1920 - 21 году выражалось в количестве до одного пуда ржи на человека.

Период сокращения и качественного улучшения.

С января месяца 1922 года начался период сокращения, который продолжался до начала 1923-23 учебного года. Цель сокращения была: усилить и укрепить качественно лучшие учреждения за счет мало-работоспособных, латентных возможностей дальнейшего развития.

«Лучше меньше, да лучше» — вот лозунг, который начал вытеснять существовавшее раньше стремление удовлетворить культурно-просветительные потребности абсолютно всего населения. Из всей массы колоссальных требований, которые предъявлялись Наркомпросу советскими партийными, профессиональными органами и всем населением в целом, необходимо было выделить абсолютно необходимое, абсолютно неотложное, то, без чего никак нельзя обойтись, без чего немалая долянейшая культурно-просветительная работа, — а все остальное, хотя и необходимое, хотя и чрезвычайно важное, но без чего можно было обойтись сегодня, откладывалось до более благоприятного времени. Не строить план и в дальнейшем различивать, получать для осуществления его средства, а рассчитать возможный максимум средств, которые в состоянии выделить государство для культурно-просветительных целей и, уже применяясь к этим средствам, строить свой план работы.

Результаты сокращения.

В результате сокращения, мы к началу 1923-23 учебного года имеем культурно-просветительную сеть сокращенную

- по Союзу на 48 проц.
- Полятипросвету на 60 проц.
- Профобру на 18 проц.
- Аншарбру на 81 проц.

Результаты этой политики Народного Комисариата Просвещения свались уже в текущем учебном году. Положение культурно-просветительных учреждений, сравнительно с прошлыми годами, значительно окрепло и улучшилось. Культурно-просветительные учреждения в этом году работали нормально, без всяких перебоев. Топливом они были снабжены своевременно и полностью, за весьма малыми исключениями, вклад содержания культурно-просветительных работников не снижался, в среднем ниже 10-ти пудов ржи в м-ц, колеблясь в сельских местностях от 10 до 15; в городах — от 15 до 25 пудов в м-ц.

Дети детских домов были одеты, обуты и посещали школы.

Культурно-просветительные учреждения сельских местностей снабжались всеобъемлющими принадлежностями в учебной литературе бесплатно. К концу учебного года мы смогли разослать по уездам учебной литературы столько, что каждая школа в состоянии будет иметь для первых классов обучения учебники в достаточном количестве. В этом году прозвездеши была выпуска из школ не только в городах и полных семилетках, но во многих случаях — в самых захолустных уголках Белоруссии.

1922-23 учебный год оказался первым годом нашей планомерной и организованной работы. Эта планомерная работа будет развиваться дальше и дойдет до того момента, когда мы будем иметь стройный план по народному образованию, распространяющийся на все население пунктов Советских республик и удовлетворяющий все трудовое население.

Балицкий.

Бывший военный лазарет, сожженный поляками.

В ПЕРВОМ РЯДУ

Три года Советская Белоруссия ведет упорную борьбу за закрепление октябрьских завоеваний, восстановление своего хозяйства, за новую культуру, новый быт.

И три года красная коммунистическая печать Белоруссии идет в авангарде этой борьбы.

Утверждение и закрепление коммунистических основ в нашем хозяйстве, нашем быту, всей нашей жизни требует героических усилий, требует подвига.

Красная печать зовет к этим подвигам. Она, сама полная энтузиазма, веры в великое будущее, вдохновляет, зажигает массы. Она не дает успокоиться, заснуть, остановиться. Несет сама вперед, она влечет за собой массы.

В тяжелых условиях, что было в свое время общим во всех проявлениях нашей жизни, красная печать вела свою работу. Не было хорошей связи с центром, не было достаточного кадра работников, не хватало бумаги, шрифта. И в самых тяжелых условиях, до Неп'а, газета

неутомимо и неустанно делала свое великое дело. Она всегда была в первом ряду борющихся, она в полной мере осуществляла поставленные перед ней задачи. Она была коллективным организатором в полном смысле этого слова.

Что она дала за три года?

В 1921 году тираж Минских газет составлял приблизительно 2.500.000 экземпляров.

В 1922 — 2.968.250.

В 1923 — 3.117.765 — только за первое полугодие. Это — не считая комсомольских и выходивших в уездах газет.

В 1921 г. газета распространялась бесплатно. В 1922 г. была введена платность газет. В 1923 г. газета уже занимала солидное место в бюджете рабочего. И уже не одной только местной газетой удовлетворяется рабочий. Ему уже нужна и центральная газета, нужен журнал, книжка.

Что это означает?

Красная печать процветает. Ее связь с массами крепнет. Если на

каждого жителя Белоруссии в 1921 году приходилось 2 1/2 газеты в год, то в 1923 году на каждого жителя приходится 6 1/2 газет. Это, правда, далеко еще от нашего идеала, но это успех, успех большой. Печать завоевала трудящегося, становится его потребностью.

Но еще не все сделано. Перед нашей печатью стоят огромные задачи. Эти задачи в полной мере совпадают со всеми теми задачами, которые стоят перед Советской Белоруссией в целом. Красная печать и впредь будет неустанно будить революционную мысль, звать к подвигам, помогать строить, строить и строить.

Капля долбит камень. Из отдельных каплей — слов, миллиардов и триллионов слов образовался поток, который сметает все старое, прогнившее и на его месте утверждает новую, коммунистическую жизнь.

Красная печать — в первом ряду борцов и строителей.

Г. Григорьев.

Подступы к культурным высотам нами завоеваны.

ВПЕРЕД! — к полному их овладению

Земля панов и помещиков -- трудовому крестьянству, -- таков лозунг рабоче-крестьянского правительства.

Тернистым Путем.

(Работа здравоохранения в Белоруссии за 3 года).

После захвата города Минска красными войсками 11 июля 1920 года, 15-го того же месяца было приступлено к организации губотдела здравоохранения, будущего Наркомздрава Белоруссии.

Первое время было потрачено на чисто административную работу: организация уцелевшего имущества на Гостлавля, подбор сотрудников, организация отделов, высшие учебные заведения и т. п. Работу пришлось начать почти с самого начала, ибо почти все сделанное и налаженное со времени Советской власти было разрушено.

В плановом состоянии была медицина. Печальна была и судьба оставшихся в минском количестве лечебных учреждений. Все, что починили могли уничтожить и унести, они сделаны были вывезены в Пастеровская станция, много инвентаря из больницы, некоторые лечебные заведения были просто разграблены.

Положение больницы было катастрофическим; отсутствие топлива, продовольствия и белья, медикаментов, недостаток медперсонала.

Были уезды, которые пережили еще большие ужасы от белых оккупационных отрядов Савицкого, Балаховича и т. п. Так, и в Мезыском уезде было зарегистрировано до 1000 изнасилованных женщин, из них около 200 потом заболело сифилисом. В городах и уездах Белоруссии свирепствовали эпидемии дифтерии, сыпного, брюшного и возвратного тифа. А между тем не было подготовленного персонала, лекарств для борьбы с эпидемиями.

Особенно тяжело пришлось Советской власти в Белоруссии в деле санитарии и борьбы с эпидемиями. Но наши работники, не отступаясь, смело взялись за работу. Срочно была возобновлена разрушенная Пастеровская станция, приведена в порядок камера, открыт проливочный дом, увеличен кадр санитаров, приглашен кадр сифилисеров, устроены курсы для дезинфекторов. Пришлось расширить максимальное количество заразных косяк. Срочно были превращены в порядок и оборудованы барачи при остро-заразной больнице, построены в свое время военным ведомством и переданные в городок от немецкого союза. Они были вывезены для больницы сифилисом.

Путем систематической Наркомздраву Белоруссии удалось получить от Мичманова 10-й эпидотряд, который развернул госпиталь на 100 косяк для больных возвратным тифом. Кроме того, был открыт и развернул свою деятельность специальный белорусский летучий сводный санитарно-эпидемиологический отряд. Из центра получены были дезинвентары, дезсредства и возможное оборудование. С особенной энергией и настойчивостью санитаротдел стал проводить обязательную регистрацию и изоляцию заразных больных.

Образованная особая комиссия из представителей Наркомздрав, профсоюз, совместно с Жилоделом Комхоза, занялась улучшением жилищных условий рабочих и служащих, живших в грязных и тесных домах, лишенных самых примитивных условий санитарии и гигиены. Большое количество домов и отдельных квартир было предоставлено союзам для переселения рабочих. Проведены в порядок бани, усилена была их производственная способность до 2000 человек в день. В гатеринском клубе Профинтерва открыт был дом санитарного просвещения, в последнее время перенесенный в гор. сов. б. пу. Множество брошюр и листовок по борьбе с заразными болезнями, частью получаемые из центра, частью напечатанные на местах, были рассланы по всей Белоруссии. Ряд лекций, санитарных и анти-эпидемиологических кампаний, в виде вечеров, сансулов было проведено на фабриках, заводах, по профсоюзам, по красноармейским частям. Авало-

гичная работа, как организационная, так и лечебно-санитарная, проводилась по всем уездам Белоруссии.

Заключение мира с поляками и усиленный прилив беженцев еще более усилили эпидемии в городах и уездах нашего края. Тогда эвакуационный пункт для беженцев на станции превращен был в Белаях. Открыт был изолятор на ст. Лававо Роменской ж. д., другой изолятор -- на Подгорной улице, третий в январе 1921 года был развернут на 150 косяк для беженцев в красармейских.

Были построены дома отдыха для красноармейцев и беженцев, общежития, прачьи, питательные пункты -- ряд полезных учреждений, находившихся под благодельным надзором медицинским и санитарным персоналом.

Вспыхнувший в 1921 году голод на Волге еще более ухудшил положение разоренного и пострадавшего края приливом беженцев, немецких колонистов и голодных детей, давших опять усиленную вспышку возвратного тифа. Здесь на встречу нуждам Белоруссии пришел открытый Белорусский Красный Крест и приглашенный им немецкий Красный Крест.

К осени 1922 г. Белорусии удалось вздохнуть свободнее и подучать о марном строительстве.

Немалая работа была проделана в области охраны материнства и младенчества.

Теперь Белоруссия богата пятью

консультациями, четырьмя "домами грудного ребенка", тремя "домами ребенка", двумя яслями, детской больницей в Минске и детскими во всех уездах, одной костно-туберкулезной санаторией для детей, двумя трахоматозными и одним фавозным домом для детей. Особенно среди детских учреждений вырисовывается показательная детская амбулатория (ЦДА), поставленная на должную высоту.

Тяжелую работу за минувшие три года пришлось проделывать лечебному НКЗБел. Получив в наследство жалкие остатки больницы без инвентаря, без медикаментов, без инструментов, пришлось создавать почти все с нуля. Здесь пришлось пройти несколько этапов. В 19--20 гг. пришлось собирать и персонал, а лечебники, учесть их, привести в порядок и т. п. В 1921 году пришлось потратить на ремонт, снабжение инструментами, инвентарем, продовольствием и т. п. В 1922 г. надо было углубить работу, а в 1923--уже идти вперед увеличением числа участков, увеличением рангуса и т. п.

Расширить, по возможности, больницы, повысить квалификацию медработников -- вот та существенная работа, которая была проделана в городе и на местах. И если сравнить таблицу старого времени с текущим годом в городах и уездах Белоруссии, то оказывается, что достигнуты колоссальные успехи.

А. В городах Белоруссии.

Год	Число б-ниц бш. тифа.	Число косяк.	Число амбул.	Число врачей.	Число ж-т детей на 1 врач.	Ср. число насел. на 1 косяк.
1914 г.	7	607	7	17	11833	488
1923 г.	22	1438	12	129	1820	120

Б. В сельских местностях.

Год	Врач. участ.	Число косяк.	Врач. амб.	Фельд. пункты.	Акуш. пункты.	Число врач.	Число лежач.	Число акуш.
1914 г.	21	214	3	90	13	24	167	35
1923 г.	62	753	31	146	51	59	189	47

В то время, как в 1914 г. на одну койку приходилось 7000 жителей, в 1923 г. -- 2300; число жителей на 1 врача в 1914 г. -- 63000, а в 1923 г. -- 24500; число жителей на одного фельдшера в 1914 г. -- 13200, в 1923 г. -- 6700, число жителей на 1 акушерский пункт в 1914 г. -- 11600, в 1923 г. -- 28000.

Все эти цифры красноречиво говорят о результатах, какие достигнуты на эти годы в деле постановки на должную высоту лечебной помощи в Белоруссии, не говоря уже об улучшении специальной помощи, как неврологической, туберкулезной помощи (диспансеры), венерологической помощи и т. п. Кроме того, Белоруссия может гордиться созданными за эти годы специальными лечебными заведениями для страждущих, каких раньше не было: 1-ая рабочая амбулатория, дома отдыха, специальный родильный и специальные амбулатории для страждущих во всех уездах Белоруссии. Остальные виды лечебной помощи, как снабжение протезами инвалидов, отправка на курорты, санаторное лечение и т. п., были также поставлены на должную высоту.

Нельзя не отметить той большой и плодотворной работы, которая была проделана фискально-экономическим отделом (Фарпод) Наркомздраву Белоруссии за эти три тяжелых года. В национализированных аптеках Фарпод велел один нусные станглазы. Тем не менее фарпод организовал при Наркомздраве централь-

ный аптекарский склад и открыл уездные аптекарские склады. Были проведены армийными централизациями. В городах устроено было по одной центральной аптеке, а в селах и местечках аптеки были приближены к населению путем слияния с соответствующими лечебными учреждениями.

Своею обстою дело с продовольственным вопросом за минувшие три года в лечебных заведениях Белоруссии. Этому сильно способствовала большая помощь, которую принесли иностранные организации: Квартеры и "АРА".

Важное значение в деле здравоохранения Белоруссии имело открытие два года тому назад Белорусского Государственного университета, в частности, его медицинского факультета. Неизменной спайка студенчества с профессорией и руководителями и прелатарской подбор самими студентами служат лучшим залогом жизнеспособности этого расцвита знания на благо рабочих и крестьян Белоруссии, столь бедной квалифицированным медицинским персоналом.

Внося безделья на минувшую работу НКЗ Бел за эти три года, нужно сказать, что несмотря на все трудности пути, несмотря на все препятствия, ограниченность средств и проч., проделана колоссальная работа и достигнуты большие успехи. Вперед, шаг за шагом, строится благополучие здравоохранения трудящихся на благо родного края.

Доктор С. А. Мазель.

На рубеже четвертого.

(Бобруйский уезд.)

Три года прошло с того момента, когда впервые белорусский крестьянин, освобожденный от "панства" и заодно -- от прелестей его фефелинны, вдохнул полной грудью

С этого момента в активнее период нового строительства в нашем уезде. Совети выделили из своего состава Исполнительные Комитеты, на которые и легла вся тяжесть работы вместе со всей полнотой исполнительской власти.

Надо было приступить к работам, а между тем трудно было получить запячку, так как все было разрушено и коряк: местечки и деревни в пепелищах, заводы полуразрушены и полуразобраны. Более ценное их оборудование своевременно было "эвакуировано" предусмотрительным панством, деревни были дезорганизованы.

При таких обстоятельствах началось летом 1920 г. наше строительство в Бобруйском уезде.

Первым пришел в себя городской прелатарят, который, в первые же дни по занятии Бобруйска Красной армией, выступил сплоченной массой, организованной в союз, и стал правой рукой только что образованного Ревкома. Первой задачей Ревкома было покрытие города сетью учреждений, являющихся связующим звеном с сельской Бобруйской, которая еще так недавно была заграничной Советской Россией.

Организация тыла, пополнение рядов Красной армии, в те дни казавшейся неурядицам потоком к Висле, новыми прелатарскими массами, снабжение ее продовольствием -- были последующими задачами.

А наряду с этим строительство и строительство на каждом шагу; организационная работа на местах -- сельских советов и волостных Исполкомов, и налаживание продовольственно-снабженческого аппарата для удовлетворения потребностей и прелатарята города, и целой армии, очутившейся зимой 1920 года на территории нашего уезда и т. д.

Нужна была громадная энергия, нужен был большой полем для того, чтобы справиться с работой этого периода.

И местные власти при дружном содействии городского прелатариата

та овладели положением и достигли всего, что требовали владычицы минуты.

Наступил 1921 год. Он принес уверенность в том, что тяжелые дни оккупации для прелатариата нашего города миновали, и миновали навсегда.

Наступает 1922 год -- год в полном смысле слова начала мирного строительства. Бобруйск переложил от всех перенесенных ужасов. Прелатарят достаточно окреп, настолько окреп, что стал определяющим фактором нового строительства. Большинство заводов, расположенных в районе города, работают полным ходом, зарплата достигла значительной высоты.

Деревня к этому моменту тактистала налаживать свою жизнь. Совети стали достаточно популярными в массах. Особенно большую роль в этом отношении сыграли отступившие красноармейцы, пришедшие по демобилизации домой и принесшие вместе с собой в деревню семена политического просвещения. Деревня начинает просыпаться даже в самых глухих своих уголках.

С такими багажами мы вступаем в 1923 год, который и живо уже можно считать годом нормального жизни нашего уезда. Советский аппарат на местах достаточно налажен и работоспособен не менее, чем на 70-80 проц. Городской прелатарят вполне организован. С такими предпосылками, на третьем году нашей эры, начинаем восстанавливать наше хозяйство.

Сельско-хозяйственная выставка, восстановление громадного крахотажного здания быв. гостиницы "Бережин", а также бывших городских училища и женской семинарии -- вот первые шаги на этом пути. Установлены сильной электро-станция, могущая осветить и обслужить заводы в районе 30-ти верстного радиуса -- вот второе достижение в этой области.

Вот несколько усилий и к 4-й годовщине нашей освобождения. А белорусское хозяйственная жизнь нашего уезда будет поставлена на вполне прочные рельсы, развить которые не сможет никакая патка наших врагов.

В. Груздь.

Свыше 450.000 десятин нетрудовых земель (помещичьих, церковных и проч.) распределено среди трудового крестьянства Белоруссии.

Это составляет 75 проц. всех земель нетрудового землевладения, остальные 25 проц. распределены по совхозам и колхозным хозяйствам.

На пути к новым формам землепользования.

3-х летняя годовщина освобождения г. Минска от белогвардейской оккупации и окончательным признанием белогвардейской власти на территории Минской губернии. Рабочий прелатарят добился победы над буржуазией, крестьянские массы правдиво победили над помещиками.

Рабочая масса, взяв в свои руки фабрики и заводы создал Советскую власть, а крестьянские массы все помещичьи земли, стал единственными хозяевами ее и объединился с рабочим классом в организацию власти.

Вот почему освобождение г. Минска не только праздник трудящихся этого города, но также праздник и для трудового крестьянства.

В течение трех лет существования власти Советов в Белоруссии трудовой крестьянин объективно ликвидировал помещичье и буржуазное хозяйство и начал строить крестьянское хозяйство.

Три года существования власти Советов дали возможность приватизации ряда мероприятий в деле улучшения и развития сельского хозяйства.

Одним из основных мер является приватизация земельного кодекса, направленного на помощь трудовому сельскому хозяйству, а также установление устойчивости землепользования. Земельный кодекс предоставляет широкое право свободного выбора форм землепользования и тем самым способствует трудовому крестьянству в его хозяйственной деятельности.

Конечно, потребуется еще не мало сил, средств, времени и энергии, чтобы восстановить то, что разрушено. Трудовой крестьянин своей энергией и выносливостью скоро поведет своему хозяйству и деревне его хозяйство до высокой степени процветания.

Эта победа и возможности явились в разуде все самостоятельной успешной борьбы организованного крестьянства и рабочих под руководством коммунистической партии. В хозяйственном строительстве этот союз

крестьян и рабочих еще более укрепил.

Сельское хозяйство -- для государства рай для новых форм землепользования и поворота освобождения от вечных пут, которые сковали его руку, -- требует 6-ти лет работы.

Но дома и уба стоишь все старое, необходимо и начать работу, но какую же путь идти и дальше; вот почему набравшая фирм землепользования дала еще горячий вопрос для сельского хозяйства. Не откладывая сомнений, мы уступили развитие сельского хозяйства, не откладывая заботы от развития промышленности, но в то же время его дальнейшее развитие. С радостью принимаем, по мере технического усовершенствования, промышленность, сельское хозяйство будет в ее развитии и оно начнет производить продукты, которые не только не будут отсутствовать, но и будут -- будут -- му в волею опраделенных новых землепользования, но об одном сельском хозяйстве, прежде чем одна разорит.

В виде ра форм землепользования хозяева получают совет от старшего, абочего и коммунистической партии, которая доказала в защите интересов трудящихся выдержку, стойкость и новизность, как в своей политике, так и в хозяйственном строительстве.

Рабочий класс и коммунистическая партия при приватизации 3-х летней годовщины ключ трудового агну.

Отбросив все, что связано с великим старым режимом и старыми идеями, мы обрели новые интересы трудового хозяйства, так как в своем хозяйстве мы, так как в своем будущем.

Одним из новых хозяйств в коммунистическом обществе, чтобы жить свой труд и заставить работать нашу.

Но забудь о нашем общем враге -- буржуазии!

П. Рез Иск

Здоровье трудящихся -- неустанная забота и стремление рабоче-крестьянской власти.

В ПОДПОЛЬЕ.

Дни, которые не забудутся.

(Воспоминания профработника).

Я тогда находился в городе Б. Это были необыкновенные дни. Каждый из них приносил нам вести, представлявшие сильное битье сердца. Доселе я читателя, с каждым днем становившаяся все откровеннее. В них уже проскальзывало между строчками героическое имя Буденного, преследуемого то тут, то там в тылу бедных и разбегавшего их. В воздухе висело что-то тяжелое. Каждая чашка чая, каждый шаг, который делался давно желанным днем.

В профессиональных союзах работа по проведению стачек, бойкотов стала входить и, наконец, совсем стала. Подвергали аресту за малейшее выступление, на которые еще издавна «квартеры» смотрели сквозь пальцы. Однако, востерам союзов нависла над народом больше обидчивого.

Всюду ржали, судили, спорили...

Кто хотел подробно ознакомиться с состоянием фронта, тот шел в профсоюз служащих. Там имелась географическая карта театра военных действий в 3 верстах масштаба. И вот, вокруг этой карты вечером было собралось все близкие товарищи, вешали на стенку, тыкали булавки, натягивали по ним шнур и гадали, как и куда сейчас двинутся «наша».

Мне прекрасно помнятся тот вечер, когда нам, передавая булавки, пришлось одну из них водрузить в кружочек, над которым красовалась надпись: «Минск». До нас Красная армия должна была еще пройти большое расстояние, но каждый из нас чувствовал, что Рубикон перейден, что сопротивление врага сломано по всему фронту, что он поражен в самом сердце.

Каждый высказывал свои соображения относительно срока, требующегося Красной армии для того,

чтобы пройти отделявшее нас от нее расстояние. Тут же наплывали в восторг, рассказывали о работе партизан и профессиональной, которую им приходилось проводить в Минске еще в 1905—1906 г. г.

Взятие Минска мы сразу почувствовали на 2-ой же день. Всем профсоюзам предложили в 24 часа освободить свои помещения, которые стали занимать воюющими. Запахло гарью, началось бешеное преследование рабочих, бесчисленные аресты, избиения, преследования. Центральное бюро профсоюзов, однако, продолжало свою работу до последнего дня. Пролетариат нашего города Красную армию приветствовал через 2 недели после того, как ее приветствовали рабочие Минска.

На второй день мы торжественно вручали нашу карту Красной армии.

Любимов.

Поганной памяти

Поляки сразу показали себя. С места в карьер принялись они за грабеж и насилие, и не прекращали их в течение всех 11-ти месяцев своего властвования.

В первый же день вступления в город польские власти милостиво разрешили своей доблестной армии «погулять». И армия «гуляла» по кварталам и даже «прогулила» не мало человеческих жизней. К прискорби надо добавить, что в этом деле принимала участие и худшая гангвустовская часть населения.

Наконец «вступление» кончилось. Началось «изложение». Оно отличалось более корректными с виду формами, но также и утонченным издевательством. Конечно, было бы «грубо» предаваться такому удовольствию, как топтание каблучками лица арестованного на улице, но в тиши уютного помещения дефанзы вы пан Крисцикий, начальник ее, мог это делать, не рискуя прослыть неблагополучным. Но в сквере и в столь же «благополучном» обществе он оставался галантнейшим кавалером.

Что же сказать о грубых жолнежах, о позначках? Население на столько привыкло слышать о зверствах и издевательствах тут и там, что уже почти не ужасалось, что конечно, не мешало каждому дрожать за свою собственную судьбу.

Как же должно было все это отразиться на молодежи? Учащаяся молодежь, отдавая за 19 а год трудовую школу, правда, пищу не вполне удобоваримую, но все же дающую работу уму и сердцу, снова очутилась в клетке буржуазной школы. Зубрежка, точечная система и военный режим. Кроме того, обязательное обучение польскому языку. Преподаватель польского, кроме того, ревностно интересовался и убеждениями молодежи.

Дети волновались, организовывали бойкот то одного, то другого преподавателя, учились всецело каварзы. Некоторым гимназиям грозил закрытие за шутки над высшими представителями народного образования, иногда посещавшими школы.

Дети участвуют в общей жизни. Кроме внутреннего школьного гнета чувствуют они на себе гнет общин, нависший над всем населением оккупированной области. Юношество пришло к партийным подпольным работникам и вело со свойственной молодости горячностью агитацию, не считаясь ни с какой опасностью.

Тяжело было жить. Но не уны

вали. Даже подслушивали над тем что было слышком печально, что могло только оскорблять человеческое достоинство.

В последние месяцы, когда польские власти усилили свою бдительность, то открыли некоторые подпольные организации. Избегшим кары, пришлось бежать куда глаза глядят. Некоторые пробирались в Россию, большинству же пришлось скрываться в глубине Польши—в Варшаве, Вальне и т. п.

Попало туда и не мало молодежи. Конечно, сразу столкнулись с местной молодежью. Что-ж они пришли? На всей ванадской части Белоруссии окупации, сначала немецкая, а затем польская наложили свою тяжелую руку. Молодежь стала нежить какой-то. Не говоря уже об учащих, которые с головой погружены были в мелкобуржуазные интересы. Даже рабочая молодежь оказалась пассивной и заткнутой обывательской.

Наша ребята нашли себе работу. Агитировали всеми способами, не только политической литературой и языком, а примером своим, своим живым порывом, своей бесшабашной божеской жизнью, не знающей ни страха, ни уныния, ни сомнения. Молодежь нетрудно расшевелить и много, много товарищей за эти месяцы «нашли себя».

Эпизод привал трагическую окраску. Поляки напоследок решили, что все равно надо уходить и грабили и убивали в полное свое удовольствие. Город горел, как факель. То же самое было во всех селах, местечках и деревнях Белоруссии. Но ушли не дрожали все от страха: слышное много ненависти накопилось чтобы бояться. Деревенская молодежь уходила в леса, образовывала партизанские отряды и нападала на польские войска.

Наконец, настало желанное время. Жолнежи металась по улицам, оставая где подало награбленное. На окраинах перестрелка. Там казаки и «длинная войска» ведут последний бой с поляками. И наша молодежь тут. Добыты винтовки и к полякам летят из за забора, из окошка чердака, из каждого укромного местечка уж не казацкие пули, а белорусские, посланные с наслаждением места.

Но вот в пустыню поле битвы. Только трупы. Дорога свободна. Можно идти. И идут повсюду к центральному району за верховными казаками.

— Ура! Даешь Варшаву!
Воронеж.

Литературные «блины».

(Подпольные штрихи).

Завтра большой польский праздник. Как же не угостить польских солдат? Молодежь-народ отащивший. Лучший подарок, конечно, «блины», нежнейшие, масляные, а особенно вкусные, литературные.

Ужасно—сделано. Хлопот много. Первым делом, нужно разобраться в «сыром материале». Два представления отприведутся в «погреб» (так называется скошенный на бок, ватный среди груды обломков и пепла домик). В маленький темной комнате (свет чуть пробивается через заколоченные окнцы) разбросаны в весьма неопределенном беспорядке столы, инструменты, доски и щебель. А под эгом драгоценный материал.

Быстро складываем его в корзину, сверху—горшки в разные хозяйственные вещи,—и багаж готов к отправке.

Станция назначения—пункт опасный. На углу под окном—незаменимая часовой. Проходим мимо. В окне красуется кусочек картона, значит—мржло. С невинным видом проходим мимо часовой.

По здесь-то и начинаем самое долгое. Из сырого материала нужно сделать «блины», нужно разложить их в укромном местечке. Работа кро-

потливая. Но вот они и готовы, чистенькие шуршащие «блины».

Вечером начинается церемония. Парням, чинно заходит молодежь, получает порцию и, разместив по мешкам (так называются специальные живые карманы для литературы), так же чинно уходит.

Весенний лунный вечер. Наглухо заперты ставни и ворота. Дивная тишина не гармонирует с мягко освещенными улицами. Тишина прерывается стуком пролетки и шепотом криком офицера. Но вот из-за угла выскринула пара—одна, другая. У польской дефанзы стоят патрульные. В грех шагах от него на тротуар, как-то невзначай, выпадает бумажка. А патрульный усталый мечтательно на лулу. Пронесся навозчик. Остановился. Вылез, пятачок, пьяный офицер, подошел к нам. Ш. тивнул к себе делушку.

— Идем гулять.

Рванулись—и через минуту уже далеко. И громко смеется над «ловким кавалером».

Приключений много. Особенно у костела. Здесь оживленно. Польские «жолнежи» вдут молчатся. Лгкой тенью проскальзывает маленькая фигурка, дышит белое платно на

стену и пропадает на темной стороне тротуара. Или пройдут близко, близко к стенке, и вот на дворе костела уже блещит белый пакетик.

Увлелась молодежь, улача во всем. Не хватает материалу, и мы идём обратно. По дороге проверяем ребят. То и дело попадаются разбросанные белые бумажки.

Поздно ночью, усталые и довольные, собираемся на «квартиру». Сколько впечатлений и рассказов! Не обошлось, конечно без курьезов.

Бросил кто-то «блин», а польский солдат приметил.

— Обронила что-то, барышня,— галантно предупредил он. И «барышня», весьма смущенная, подняла оброненный «блин».

Расходился «но дома».

А на другой день город полон новостями.

— Слышали? ночью авроплан большевисткий летел, прокламации бросал, сам видел.

— Вот мне привнес один поляк, настоящая большевисткая,—и хозяйчик сует мне знакомый «блин».

Равнодушно верчу в руках и глу бокомысленно алмчаю:

— И как «ова» это ухитряются... Подпольная.

сумел организовать подпольную табачную фабрику для безработных.

И теперь город готовился к 1-му мая.

Опечтано силами молодежи возведены, разосланы всем профсоюзам и ячейкам циркуляры, назначены собрания; молодежь ухитрилась устроить ряд штиков.

Вечерняя школа рабочей молодежи превращается в цитадель подпольной работы.

А между тем провокаторская рука уже творит свое дело.

Не знают товарищи, что их среда уже отравлена провокацией.

Уже давно Родов возбуждает некоторое недоверие. Но он снабжает деньгами организацию, он выручает в самые критические моменты, благодаря ему, есть возможность лечить Марусю.

И товарищи отмахивают от себя всякие подозрения.

Но коммунистическое чутье редко когда обманывает.

Родов—провокатор.

Это он предает в руки польских бандатов подпольную конференцию, это он диктует польской охранке адреса и клички подпольных товарищей.

Долго затянулась конференция. Разошлись товарищи: в подполье так редко удается поговорить. Уже замечен план работы, выработано единое организационное начало...

Но конференцию заканчивает... польская жандармерия.

Председатель т. Фальк не дрогнул.

— Опасайся, товарищи! Сам остался на месте.

Среди жандармов произошло замешательство.

— Товарищи, вас ждет работа—и через минуту в комнате остался Диепровский, Фальк и больная Ма-

руся. Но охранные довольно и этого.

Обыск и вакханалия...

Отащили с кровати больную Марусю и без чувств поволокли.

Топтали ногами, били и изувечивали и окровавленных поноли.

А через три дня—повальные аресты и обыски.

Во главе польских жандармов преодетый Родов.

Забирают оставшихся лучших товарищей—Блюменталь, Пильку Золотина, Гольдштейн и др.

Короткая польская расправа. На следующий день стены города увешены приказом:

«Диепровский—по провинцу Петров. Камелски—по провинцу Фальк. Маруся—по провинцу Петрова, за то, что основал подпольный коммунистический комитет и вел агитацию против польского государства приговариваются к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в 3 ч. 30 м.»

И то же самое по отношению к другим товарищам.

Траур завлакивает город. В воздухе висит тяжелый общий грест. Пустуют улицы... С шумом захлопываются магазины. Накрапывает серый, нудный дождик.

Польская охранка лякует.

А через два месяца Белоруссия радостно вбирает в себя отряды Красной армии.

Мощным объединенным восстанием белорусского крестьянства и рабочих, при подоспелой помощи красноармейцев, отменяются польские банды из пределов Красной Белоруссии.

Дело наших товарищей довершено.

Вот почему мы праздник освобождения и торжества соединяем с воспоминаниями о лучших наших за это освобождение борцах.

Зетрова.

Провал.

(Из подполья в Бобруйске).

Маленький скромный, смел выкрашенный домок. Пустынная улица. Городская охранка.

В белом окне—записочка: «Ляется в нас».

Остановились на нем.

Быстро сестричили семейную административную «Марусю и Диепровского, и наняли домок для «молочных»—Петровых.

Домик препартился в центр уездной работы. Одиночка и подпольная присаживали крестьяне, выгружали сено и мука, которые в укромном месте превращались в огромные уюки литературы и другие принадлежности...

Диепровский, стоя на улице, долго торговался с мужиками, ругал их, а в комнате, весьма скромно обставленной, крепко пожевал руки и весело докладывал:

— А знаете, братцы, я большим декулянтном просидел. Петров, говоит, не дурак.

Каждое воскресенье Диепровский, Маруся и еще 2—3 работника нарялись в крестьянское платье, задалась литературой и выезжали «смотреть» в деревню.

Всем мы это наш «товарец», одский жолнеж; возьмем, да ости и лошаде.

Чего везешь? выкладывай!..

А как заругается... Маруська вычала.

Как начала его сладенькими реками занимать, тот так и растаял... Много было разных оказий... Подкладывали литературу в крестьянские подолоды, мастерски всовывали в колуки.

Работа в уезде росла и ширилась. Ежедневно доходила весть: о новых партизанских отрядах, об организации коммунистических ячеек... Требовали оружия и литературы... Атмосфера сгущалась... В городе вависла тяжелая, давящая неподвижность. Польский кулак, эмблема насилия, висел над всем живым. Город казался убежищем мертвецов. Ходили люди с застывшим выражением ненависти на лице, маскируя все неподвижностью.

Насилие перебросилось и в деревню. Жгли и грабили крестьянское добро. Секли, воскрешая в памяти времена польского шпихетства.

Польский пан разошелся во всю. И в ответ на зверства и издевательства рос и разгорался народный гнев.

Темная, заброшенная белорусская деревня вставала. Шли в леса, босые обрваные... Встречали таких же... Об'единяло одно могучее чувство ненависти к насильникам, просыпавшим антагонизм к помещику.

Вся Белоруссия превратилась в один партизанский отряд... Разгоралось подполье... Жсали помощи города.

И Город насторожился. Славенный польской нагайкой, корчась от боли, он шел навстречу деревне.

Стало еще оживленнее в маленьком домике. Лихорадочно шла работа, целые ночи паковалась литература...

Шепотом давались инструкции присаживающим из деревни... Чувство вала разливалось волна снизу и управляющая св. рука. Сквозь

толстый слой насилия пробивалась свежая струя.

Пахло восстанием...

Как голодные псы рыскали жандармы... Усилился состав «шпиков». Многоголовая и многоглазая охранка насторожилась.

А у них под носом, под боком дефанзы прочно осел наш гордский штаб. И в слякотном домике заперенный «друг» польской охранки Диепровский никогда еще не сбывал столько «товару».

Бесилась польская охранка...

В самый разгар работы заболела Маруся. Обезьяная деревня, вавилась она часто по мужичкам берлогам в грязи, схватила тиф. Стало труднее работать. Но Диепровский не унывал. Уезд требовал своего.

14 коммунистических ячеек... Партизанские отряды... Как вести дальше работу? Много навревших вопросов.

Долго спорили в городском комитете. Наконец, решили: созвать конференцию представителей уезда.

А квартира? Городские кварталы слишком опасны—под боком дефанзы. Остановились опять на слякотном домике.

А в городе между тем развернулась своя своеобразная работа. Город был разделен на районы, которые обслуживались отрядами молодежи. Молодежь не знает опасности. И она выжидала поистине чудовищные трюки польским властям.

Это молодежь украпала город литературными «блинами», это она мастерски наклеивала на польские воззвания красные листовки, это она доставляла из польских типографий шрифты.

Город сумел создать подпольные профсоюзы, которые, ведя экономическую борьбу с эксплуататорами, были недосягаемы охранке. Город

сумел организовать подпольную табачную фабрику для безработных.

И теперь город готовился к 1-му мая.

Опечтано силами молодежи возведены, разосланы всем профсоюзам и ячейкам циркуляры, назначены собрания; молодежь ухитрилась устроить ряд штиков.

Вечерняя школа рабочей молодежи превращается в цитадель подпольной работы.

А между тем провокаторская рука уже творит свое дело.

Не знают товарищи, что их среда уже отравлена провокацией.

Уже давно Родов возбуждает некоторое недоверие. Но он снабжает деньгами организацию, он выручает в самые критические моменты, благодаря ему, есть возможность лечить Марусю.

И товарищи отмахивают от себя всякие подозрения.

Но коммунистическое чутье редко когда обманывает.

Родов—провокатор.

Это он предает в руки польских бандатов подпольную конференцию, это он диктует польской охранке адреса и клички подпольных товарищей.

Долго затянулась конференция. Разошлись товарищи: в подполье так редко удается поговорить. Уже замечен план работы, выработано единое организационное начало...

Но конференцию заканчивает... польская жандармерия.

Председатель т. Фальк не дрогнул.

— Опасайся, товарищи! Сам остался на месте.

Среди жандармов произошло замешательство.

— Товарищи, вас ждет работа—и через минуту в комнате остался Диепровский, Фальк и больная Ма-

руся. Но охранные довольно и этого.

Обыск и вакханалия...

Отащили с кровати больную Марусю и без чувств поволокли.

Топтали ногами, били и изувечивали и окровавленных поноли.

А через три дня—повальные аресты и обыски.

Во главе польских жандармов преодетый Родов.

Забирают оставшихся лучших товарищей—Блюменталь, Пильку Золотина, Гольдштейн и др.

Короткая польская расправа. На следующий день стены города увешены приказом:

«Диепровский—по провинцу Петров. Камелски—по провинцу Фальк. Маруся—по провинцу Петрова, за то, что основал подпольный коммунистический комитет и вел агитацию против польского государства приговариваются к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в 3 ч. 30 м.»

И то же самое по отношению к другим товарищам.

Траур завлакивает город. В воздухе висит тяжелый общий грест. Пустуют улицы... С шумом захлопываются магазины. Накрапывает серый, нудный дождик.

Польская охранка лякует.

А через два месяца Белоруссия радостно вбирает в себя отряды Красной армии.

Мощным объединенным восстанием белорусского крестьянства и рабочих, при подоспелой помощи красноармейцев, отменяются польские банды из пределов Красной Белоруссии.

Дело наших товарищей довершено.

Вот почему мы праздник освобождения и торжества соединяем с воспоминаниями о лучших наших за это освобождение борцах.

Зетрова.

Под властью панов.

Дни мучений.

(Из воспоминаний красноармейца).
Страшно... Я могу теперь двигаться по улицам, не боясь, не оглядываясь.

Небо, солнце, дома, люди... Да разве она те же, что вчера, что неделя, месяц тому назад? Нет! Тысячу раз нет.

Посмотрите на этого старика. Он ходит, опираясь на палку. Лицо в морщинах, уставое... И веки глаз красные, как будто не смыкались месяц... Но старик чему-то рад. Он улыбается, еле сдерживая радостный смех... Он хочет со мной заговорить — с незнакомым... Он гладит рукой длинную бороду и говорит:

— Ушли? А?.. Обрато не вернутся?

Я подтверждаю. Не вернутся. Мы войнмаем друг друга с полуслова. Я ясно вижу прятку его радости.

— Чуть было не отрезала,— говорит он, поглаживая свою бороду.— На прошлой неделе... Познаницы... Прижали вот к этой будке—где про дожит сельтерскую, и олли уж было дожит выхватить, только слушая спас... Я всю ицелю не выходил из будкеба...

— Теперь можете быть спокойным: при красных этого не будет.

— Как бы эти звери обратно не завилась...

— Их далеко угнали. Говорят, что красные уже взяли город Б... — Разве? Пойду обрадую свою старуху.

Ах, как хорошо! Что это сегодня ва день? Хотите прыгать, танцевать, смеяться... Смеяться без конца... Ха-ха-ха...

Эта девушка, кажется, на меня оглянулась... Она смотрит туда, куда и я... Она, вероятно, хочет увидеть, что меня смешит... Не видит ничего и тоже улыбается...

Как хорошо! Грудь дышет так легко и свободно.

А как горько и тяжело мне было так недавно.

Я стоял с моей матерью у нас на крыльце... Мы были заняты разговором об ужине. Мать со мной советовалась—сварить ли ей "затирку" с подсоленным маслом? Осталось только фунта полтора ржаной муки. Больше ничего нет...

В это время... Как тяжело вспоминать этот момент... Подошел молодой польский солдат... Его глаза ало смотрели.

— Закройте дверь!—крикнул он по польски.— Пся крив. к... — И длинное ругательство—мерзкое, циничное обливало нас с ног до головы. Это было так неожиданно, что мы растерялись. Мы продолжали стоять и смотреть на этого молодого, безусого парнишку, который таким зверем глядел на нас...

Одна, две секунды, и... он выхватил свой "багнет" и с силой ударил им по руке моей матери. Я весь похолодел. Сознание помутилось. Сердце перестало биться.

Панов нет больше в Белоруссии—да здравствует Красная армия!

Я пришел в себя от крика матери. Солдата около нас уже не было. Он спокойно шел по улице, затем свернул в переулок и исчез.

Сбежались соседи. Руку матери обернули полотенцем, смоченным холодной водой. Кто-то побежал за врачом.

Мать плакала. Из моих глаз также невольно катились слезы. Что я тогда почувствовал? Мне казалось, что имею силу, я бы всех этих грабителей задушил своими руками...

В те моменты я был самым кровожадным зверем...

Целый месяц мы не выходили из дому. Поляки всех таскали на работу. Вывозили все, что только могли. Они старались скорее очистить город, чтобы потом поджечь его со всех сторон.

Мы уже знали об участии Киева, Борисова и целого ряда других городов. Тревога у нас росла с каждым днем...

К коменданту города отравились самые почетные граждане. Бывший городской голова, два профессора, один известный врач и несколько крупных богачей. Они просили его не поджигать города... Они просили от имени 60-ти тысячного населения, от имени тысяч детей, женщин и стариков.

Комендант надменно потребовал за обещание не грабить, не убивать, не поджигать—контрабукцию в размере миллиона польских марок и 200 голов рогатого скота.

И с какой иронией было сделано предложение это!

Не грабить? Не убивать? Как будто, его священной обязанностью было убивать и грабить, как будто он только затем и назначен комендантом, чтобы в нужный момент исполнить город...

Какая ирония! Не гроб, а миллион марок контрабукция.

Не убийство, а лишение тысяч детей молока... Не поджог...

Но уже вечером, когда контрабукция была вручена коменданту полякостю и 200 коров были отправлены с отступающим обозом,—город запылал в нескольких местах. И в треске пожара всю ночь слышны были крики о помощи, ружейные выстрелы. По городу, точно разъяренные волки, рыскали польские жандармы и грабители, убивали, насылали вали, поджигали...

Комендант, "сдержал" свое обещание, он "выполнил" свое "честное слово"...

Что это была за ночь! Когда под утро в город вступили Красные, население чуть не обезумело от радости.

С красноармейцами заговаривали, расспрашивали—что и как. Кормили красных бойцов последним куском хлеба, улыбаясь им и смотря на них радостными, увлажненными глазами...

— Поляки не придут уж больше? — Нет, не придут. Мы скоро будем в Варшаве...

В голосе красноармейца слышны были сила и мощь. Он был уверен в победе и эта уверенность передавалась и нам.

Я шел по улице. За спиной у меня, как будто, выросла крылья. Я улыбался всем яна, олим и незнакомым. Я заговаривал со всеми и уверял всех, что красные скоро будут в Варшаве, и я... я... конечно, с ними...

— Вы добровольцем? — Конечно, а вы? — И я...

Меня провожала моя мать. Она грустно посмотрела на меня, как бы предчувствуя долгую разлуку, но ничего не сказала...

И я ушел... Правда.

Первое знакомство.

Теперь, когда жизнь вошла в колею, когда стерлись в памяти подробности этого ужасного времени, не хочется как-то возвращаться к нему, хотя бы и мысленно.

Все же, чуть вдумаясь,— снова встают перед тобой картины пережитого.

Первое "знакомство" власти с населением. Через Советскую улицу, по направлению к Борисовскому тракту следовал блестящий пуг карет и верховых офицеров, сопровождаемый не менее блестящим эскортом солдат. Все они—на стройных откормленных лошадях, с иголочки одеты. В каретах расселись дамы. Это было желание щегольнуть перед населением, привыкшим к серой поддевке и к изможденной кляче.

Все население высыпало на улицу. Но что это? Замешательство в толпе, крик, бегство, паника и громкий грубый смех. Целая компания пеших "поручников" с холерными "аристократическими" лицами, вооруженная длинными ножницами, хватая на ходу стариков-евреев и тут же на глазах толпы срезает им бороды или просто вырывает космы волос, стараясь проделать это как можно утонченнее и смачнее, чтобы заслужить одобрение блестящей эскадрильи. И это делал не грубый бессознательный солдат, а цивилизованные "панове поручники". Дамы улыбались из карет.

Это было—первое знакомство с населением.

И даже те, кто раньше был недоволен большевистским черным хлебом, в тот же день подумали: горька будет польская пшеничная булка!

Загородная.

Они пришли к нам 15 августа 1919 года, а с нами пришло и горе в нашу деревню. Хлеб посеянный так и остался на поле, за собранное пришлось пану взять, да еще смерть—поросенка, дабы умиловить разгневанных господ.

Слон стоял по деревне, едва только замечали едущего по дороге поляка, крестьяне бросали шквонную пощину и ударили с лошадкой в лес.

В деревне становилось все тревожней. День и ночь слышалась орудийная стрельба, а потом по утрам стали находить в деревне разбросанные листки и газеты.

Жандармы бесились, угрожая всех порастрелявать, называя всех "большевиками".

Прошло еще несколько долгих недель. В одно утро деревня была разбужена польским отрядом. Все бросилось в лес. Поляки стреляли, но дичать не могли. Захватили только тех, кто не успел вывезти из сарая лошадь на пастбу. Угнали на сарай фронт возить снаряды. Стрельба не прекращалась.

— Вальшевики идут!—пронеслось по деревне.

Мы, малыши, сидели с лошадьми в лесу и слушали музыку орудий. Сердца чуть не выскакивали от радости. Но, чу... что это? Австрияны режут и много их. Вот один, два, еще и еще. Это—польские "орлы" снялись со своего насиженного местечка и улетали к себе в Польшу.

К ночи стрельба стихла. Слышен был только гул движущихся по шоссе обозов. То отступали паны. Ночью лес озарился огнем. Мы бросились домой. Деревня наша была обжата со всех сторон пламенем, а кругом гарпеливали на конях паны и стреляли. Среди пламени, рыча скот, плакали люди и няли собаки. Зрелище было ужасное. Горело все: скот, люди, хлеб...

Мы устремлялись в деревню, но старик схватил нас и прыгнул к земле.

— Убьют вас, не бежите, ляжете тут. А сам плакал. Семья его осталась в огне.

А паны никакого не жалели. По убегающим стреляли, а больных копыта пшквой и бросали в огонь.

Утром слон стоял над ищелищем. Валились сожженные коровы и лошада, над их трупами плакали оставшиеся в живых. Погибло 20 душ и почти весь скот, а о недвижимом и говорить нечего.

Ушла паны, устлав свой "доблестный" путь огнем и кровью, а на смену им пришла освободительница Красная армия, которая помогла нам отстрелить пожарщика в новую деревню, а с ней—стрельть и новую жизнь.

П. Гелазач.

Лето 1920 г.

(Отрывки)
... Шля, Днем задыхаясь в пыли Раскаленной, Ночью, Картошку в манерке варя. На два часа смежив очи, Чтобы утром заря Вновь заставляла в походе Колонны. С мыслью одной, Вылатой в крик озерной: "Дашь Варшаву". Шля...

А вперед, деревни пещеля. Бросая отблески на сосны и поля, Вздыхалась зарева... "Культурные" илмнты

Путь метили свои сотнями убитых, Расстрелянных детей и стариков, Растленных девушек, разграбленных домов

И подожженных... О, эти были сыны И презирали "русских дикарей"!

Вперед, С песнями шли гурьбою Обрывки рассыпанных рот. Враг уходил без боя

Пл и свете ищершем пожаращ... Вброд переходили реки Иль по своим разбитых мостов... И когда заимали местечка, Выразительней всяких слов

Было слово—Товарищ... Д. Ш.

Бой под местечком ГРОВОМ (Слуцк. у.)

Ночь на 15-е июля 1920 г. Часа в 3—4 меня разбудил мой товарищ и сообщил, что к местечку Грозово под'ехала большевистская разведка.

Недолго думая, мы вдвоем (меняю польские караулы) направились за местечко по направлению к разведке. В м-ке тогда стоял отряд поляков в 40—50 человек. Разведку нашу ли ма верстах трех.

Вид красноармейцев привлек на нас внимание впечатлительных людей изурнавших, ободренных, лошади истоощенные. Неужели, подумал я, такая бедная и голодная армия побеждает сытых и одетых царских солдат?

Это впечатление прошло лишь тогда, когда к вечеру вошел в м-ко 88-й пех. полк и кр-цы с лозунгом "дашь Варшаву", не останавливаясь гнали поляков. Тогда я понял, что побеждает Красная армия своим сознанием, своим революционным духом.

Я яложил начальнику разведки положение в м-ке и советовал ему ждать подхода 88-го красного полка, который (по словам разведки) находился верстах в 10-ти, ибо 7 ми кр-дам не удержат м-ка против ожидающейся польской кавалерии.

Я еще раз пошел в м-ко и вернулся к разведке, сообщил о положении. В третий раз, когда я пришел в м-ко, оно уже было окружено польскими войсками. Артиллерия и кухня расположились за м-ком, а солдаты расселись по ближайшим деревням и грабили. Грабег продолжался часов пять-шесть и производился осознательно. Забрали все—это напши, сопротивлявшиеся избивали беспощадно, одну деревню сожгли и выстрелили одного крестьянина.

Жители, оставив дома имущество на волю грабителей, сами бежали и прятались. Белополяки угрожала поджечь все м-ко за то, что, будто бы в них стреляли.

Часы тянулись долго и все с нетерпением ждали прихода красных.

Вдруг, откуда ни по'ялись, в воздухе стали разрываться снаряды, послышалась трескотня пулеметов. Поляки асуетались и побежали к своей артиллерии. Тут все поняли, что большевики наступают.

Бой был упорный и продолжался больше часа. Наконец, поляки поворно бежали, оставив на поле битвы много убитых и раненых.

Население с восторгом и слезами радости встретило первую пень красноармейцев. Их обнимали и целовали.

Красные воины своими жертвами (было убито и ранено до 15-ти кр-цев) спасли жизнь и имущество граждан м-ка Грозово и окрестных деревень.

Граждане сел, деревень, местечек и городов Слуцкого у. и всей Белоруссии, вспомните кошмарное отступление белополяков 20 г. и берегите свое Красную армию и флот.

В. Гурвич.

Паны еще живы. Они господствуют в Польше. Стройте Воздушный Флот, могучую защиту Советских Республик.

Как горел Виленский вокзал.

С ужасом, с трепетом душевным вспоминаешь варварства отступающих банд, бешенная злоба которых находила себе выход в кровавой расправе над населением и в разрушении различных сооружений.

Мне особенно памятен пожар Виленского вокзала, организованный польскими бандами.

Дни отступления панов пришлось скрываться в погребах, огородах, так как поляки хватили на улицах и в домах молодых людей, заставляя грузить в вагоны снаряжение нести за отступающими различные тяжести. Все это сопровождалось, конечно, избиением и издевательствами.

Рано утром 11 июля жандармы подожгли вокзал. За городом шла перестрелка; на прилегающих к вокзалу улицах солдат не было; ободренные этим жители стали понемногу собираться у горящего вокзала. Побежал туда и я. Горела средняя часть здания, огонь распространялся уже по боковым частям. Группа смельчаков бросилась к горящему зданию. Мы знали, что по-

ляки впопыхах не все успели вывезти. Живо закипела работа; тут тащат столбы, там несут шкаф, другие снимают двери, оконные рамы—поменьше бы только досталось огню.

В здании нашли до 20 гранат, ящики с патронами и стеклянными капсулами, заключавшими в себе зажигательное вещество. Все это с осторожностью отнесли подальше. Особенных трудов нам стоило спание блокировочного аппарата, занимавшего целую стену в комнате дежурного по станции.

Все мы знали как дорог он; знали, что он очень и очень пригодится Советской власти. Это сознание придало нам силы и аппарат был вытащен уже из загоревшей комнаты.

Вытащив все, что было возможно из горящего здания, стали ломать стоявший в конце его деревянный барак, пожар который огонь мог перекинуться на здание школы (здание это долгое время заменяло нам перь створенный вокзал). Пожар-

ный сарай, стоявший у другого конца здания, разобрать мы не смогли и ограничили тем, что ведрами таскали к нему воду и таким образом отстояли от огня.

Огонь обхватил все здание, языки лизали обгорелые стены и вытягивались сквозь огромные дыры окон.

Через часа три поляков уже не было; мы— снова на улице, подбираем винтовки, патроны, захватываем отставших поляков и сдаем вступившим в город красным бойцам.

Прошло три года. Многие из разрушенного поляками восстановлено. Восстанавливается и Виленский вокзал. Проходя мимо него я всегда вспоминаю картину пожара. Вспоминаются и вынесенные гранаты; ведь остались они в огне,—и не скоро бы еще восстановился Виленский вокзал!

Железнодорожник Ш.

Пятна и брызги.

I.
Утро. Солнечный диск восходит над сожженным городом.
Как будто и не было этой страшной невыносимой ночи. С криками ограбленных, стоны истязуемых и воплями напуганных женщин, от которых кровь в жилах останавливается и волосы белели.
Ворота и двери на запорах, в щель закрытой ставни выглядывает воспаленный бессонницей глаз.
Из-за угла показываются трое пьяных громил.
Т-р-р-а-а! И двери ближайшей квартиры сломаны.
Минута и зловещую тишину прерывает отчаянно-безумный крик полунагой девушки, в безумии догадывающейся о происходящем. Прислушавшись, они не останавливаются. По улице раскатывается пьяный дикий хохот.

II.
Громыкавшая всю ночь недалеко от города канонада будила испуг и надежды.
Над Переспой еще только занималась заря, а в доме у Рохы-Лей все уже встало. Сама она, исхудавшая и измученная бессонницей, не отходит от окна. Прислушивается к происходившему в городе.
В городе тихо, как в осажденной крепости, насторожилось все... Спи-сенье там, за стенами города.
Часы томительного ожидания. Вдруг в воздух оглашается криками восторженного приветствия стотысячного заатмеечного в свободно вздохнувшего города.
Город в один миг преображается.

Недавно вымерший, пустынный, он, при появлении первой небольшой группы похоронщиков от дыма и пыли Красных, клокочет передеваяющейся через край радостью.
Облегченный вздох вестя из пострадавшей коллективной груди. Глаза зажигаются огоньками, ярче всех блестят глаза Рохы-Лей.
Замечтавшись, она вспоминает день ухода своего единственного сына с Красным рабочим полком. Долго она плакала расставаясь с ним.
Сегодня она с ним снова увидится, и часть восторженных криков слышных из города, она принимает за свой счет. Ведь в числе других все приветствуют и ее Бейнша, который теперь, может быть, находится недалеко от нее, и скоро будет с нею.

Несколько раз старуха выходит из за дверей, вглядываясь в даль, ведя ющую на города, по которой, как ей кажется, идет ее Бейнш. Но каждый раз, обманываясь, возвращается обратно.
Утомившись ожиданием и волнением, она задремала. Дверь скрипнула, и на дороге показался тов. Бейнша, с которым он работал в одной мастерской. Она бросилась к нему. Он понял без слов.
— Принес, принес, бросил он быстро, вытаскивая что-то из кармана. Отдал маленькое свернутое письмо. Три слова...
«Здоров, мамаша. На другом участке фронта бьются. Приеду скоро»... В сухих воспаленных глазах Рохы-Лей стояли две крупные слезы.

Л. Н.

Как мы работали.

Через пару недель после ухода Соввла стей из Минска аработали профсоюзы. Полки легализовали их для того, чтобы потом легче было разгромить.
Уже в ноябре-декабре месяцах работа на Койдачовской 23. в Доме Профсоюзной школы. Первое время рабочие побоялись заходить туда, но вскоре они прервались в рабочий муравейник. Создалась общность собрания и избирались правления. Власть прислали на собрания

своих ревизоров, но в большинстве случаев, получив «на обед и извозчика», они удалялись.
В союзах, главным образом, проводилась тарифная работа, борьба с безработицей и конфликты с предпринимателями. Предприниматели, частенько соглашались улаживать по постановлениям совхоз, полагавшись нас, как будущих хозяев положения. В том, что большевики не надоело ушли, никто не сомневался.

Безработным оказывалась помощь обедами в рабочих столовых, а также организационной артефией (на средства американской рабочей помощи). Было создано несколько ЦВ профсоюзов, куда пошла часть от союзов предпринимателей. ЦВ состояло из 40 человек. Заседания происходили в помещениях бывшего в то время будного рабочего дома на площади Свободы, а потом после разгрома профсоюзов, где полагалось.

Компартия имела значительную фракцию в ЦВ—14 человек, Вунд—16 и ЦВ—10. Особых разногласий не было. Работали дружно, вытывая все большее количество рабочих. ЦВ профсоюзов стало реальной силой, несмотря на то, что существовало оно нелегально.

Но недолго нам пришлось «волю гулять». Вечером в один из дней польского разгрома в помещении профсоюзов ворвались жандармы с криками:
— Руки вверх! Где Хамы? (Хамы—руководитель Ком. организации).
Не прошло конечно без анекдотических случаев. В один из дней в рабочий кабинет вошла старуха под фамилией Хейман и когда жандарм в алфавитно увидел букву Х и фамилию, они готовы были ее принять за нашего т. Хамы.

Жандармы арестовали тогда многих имевших несчастье носить имя «Хамы» или только напоминающих это имя. Так был арестован т. Лейбон из союза строителей и имени Иовиф-Хамы и другие. И по городу было арестовано много «Хамов». Пострадали и спекулянты, и теперь многие обыватели говорят, что они пострадали из-за какого-то «Хамы».

Через три дня разгром профсоюзов повторился. С тех пор началась для союзов кочевая образ жизни: кто со своей «кашпеляркой» сидел где-нибудь дома в подвале, кто перемещался на чердак, а кто и вовсе ликвидировался.

И вот поляки задумали создать свои союзы, т. е. союз Сташца. Этот союз не был даже желтым, а ярче черным. И хотя он своим членам продавал хлеб по дешевой цене, но рабочих у него почти не было.

А те темные забитые рабочки, которые из-за нужды ходили и ним потом рассказывали про польские союзные порядки. Так помню какой-то дворник пришел ко мне и рассказывает, что там сидит какой-то «мадан» в караульном пальто и перед ней приказано снимать шапку и стоять «руки по швам».

Этот союз привлекал к себе членов жандармским образом. Так, дворники подучили наест от этого союза с предложением прийти завлечься в союз и принести с собой 5 марок членских взносов. Такими путями думала польская охранка взять в свои руки рабочее движение в Белоруссии. О результатах этой попытки знают сами трудящиеся Советской Белоруссии.

Член подпольного ЦВ профсоюзов
А. Гурвич.

По Советским республикам.

Участки земли для трудового землепользования.

Наркомзем разрешил предоставлять для трудового землепользования свободные участки земли, входящие в состав государственных земельных имуществ, за исключением занятых под садово-огородные и виноградные культуры, а также предназначенных для использования в промышленных целях. Участки до 50 десятин отдаются губземуправлениями, свыше 50 десятин с разрешения Наркомзема.

Москва 10-го июля.

Курсы котировальной комиссии: рубль золотом 82 р. 50 коп. банкноты—червонец—825 р. таможенный рубль—100 руб.

Новые паспорта.

Наркомвнутделом выпускается новая форма единого паспорта граждан СССР. Текст паспорта будет напечатан на шести языках союзных республик.

ОТОВСЮДУ

Одесский митрополит Евдоким—против Тихона.

Представитель высшего церковного совета одесский митрополит Евдоким пишет по поводу попытки

Тихона совершать богослужения следующее:
«Кто обогрил себя кровью с ног до головы, ввергнул множество людей в тюрьмы и ссылку, содействовал разорению русской земли, поддерживал врагов русского народа, не может приступать к божьему престолу».

Америка на всероссийской с.-х. выставке.
Наркомвнешторгом подписан договор с объединенной американской кампанией, представляющей 36 крупнейших американских фирм на участие во всероссийской с.-х. выставке. Компания выставит сельскохозяйственные, а также деревообрабатывающие машины, электро-моторы, турбины, компрессора, автомобильные принадлежности. Представитель компании Ганнер выражает удивление по поводу ширины и размаха работ выставки

ПО МИНСКУ

В Мингормилиции.

БОРЬБА С САМОГОНКОЙ. В последнее время Мингормилиция усилила борьбу с тайным винокурением, продажей спиртных напитков и пьянством. За месяц было проведено 38 обысков, задержано 9 самогонных аппаратов и 12 ведер самогонки. По этим делам отправлены в Допр 21 человек.

Составлено 159 протоколов за пьянство и за хранение спиртных напитков. Особо тяжело отличился в борьбе с тайным винокурением 4-е отделение милиции, которое было задержано 7 самогонных аппаратов.

БОРЬБА С ПРИСТУПНОСТЬЮ. Милгормилицией в течение месяца задержано по разным преступлениям, большей частью за переход государственной границы, около 300 человек. Кроме того за нарушение правил по учету жилищ составлено 57 протоколов, за нарушение законов о труде—56, неправильную езду—7, кражи и мошенничества—14, за нарушение тишины и порядка—8, спекуляцию валютой—7, антисанитария—40 и по разным другим преступлениям 96 протоколов.

РЕГИСТРАЦИЯ ОКРАИННЫХ ДОМОВЛАДЕНИЙ. В настоящее время ведется работа по инвентарю и регистрации всех окраинных домовладений. Последние, будучи разрозненными в различных частях города, не привнесены ни к какому из домов. Увеличение количества соответствующих номеров. После регистрации все окраинные домовладения, входящие в городскую черту, будут прикреплены к определенной улице с порядковой нумерацией. Кроме того эти домовладения будут включены в тот или иной квартал для налогообложения за выданным постановлением домовладельцам.

Безработица.

ДВИЖЕНИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ. На 1-ое июля на именной бирже труда состояло на учете 5410 безработных, в том числе 2833. Безработица в конце мая в Минске уменьшилась на 10 проц., в июле—на 5 проц., что объясняется усиленным спросом на строителей и чернорабочих. По сравнению с предыдущим месяцем спрос увеличился на 30 проц., предложения на 50 проц. В Минске 65 проц. всего спроса и дает на чернорабочих и строителей, затем сообрабатчиков, медикосантруд и химиков. Увеличение спроса на одном из основных видов работ на строительстве зданий. В связи с началом летних отпусков возрос спрос на безработных, находящихся до сих пор в безнадзорной положении и в смысле получения работы. Так 30 проц. безработных секция рабсвязи было послано для замены ушедших в отпуск. По этим же причинам усилился спрос на безработных секции медикосантруд. В последнее время оживилось число безработных секции Рабсв. вследствие окончания зимнего сезона.

ЭКСПЕРТНЫЕ КОМИССИИ. Экспертные комиссии по проверке квалификации безработных заочники работу в секциях рабсв, рабсв, медикосантруд, рабсв, деревообрабатывающих и металлостроителей. Результаты почти всюду одинаковые. От 10 до 15 проц. переведено из указанных секций в секцию чернорабочих, а остальные безработные работы на группы согласно их квалификации. Работы по проверке квалификации безработных в условиях еще не закончены.

Кооперация.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ КООПЕРАЦИИ. Реорганизация военной кооперации Белоруссии уже закончена. На территории Белоруссии существует сейчас единое военно-потребительское общество с широкой сетью полковых отделений. Избрано временное правление в составе т. т. Гребенчика (председатель), Воронж-Янина, Горюхица, Лидаса и Кривошеина.

ПОСТАВКА ДРОВ. Белорусским военно-потребительским обществом ведутся переговоры с военными частями на поставку им до 10 000 пудов дров.

С У Д

Нарушение монополии внешней торговли.

(В нарсуде 1-го участка).
На днях в нарсуде 1-го участка слушалось весьма интересное дело по обвинению гр Кузнеця в нарушении монополии внешней торговли. Дело имеет принципиальное значение и впервые слушается у нас. До недавнего времени у нас еще орудовали «полюшники» контрабандисты, но беспощадная борьба постепенно выводит этот институт на нет. Однако господа немцы не дремлют, они ищут новые хитроумные способы, чтобы обойти закон, и один из таких типов очутился на скамье подсудимых.

В феврале месяце с. г. в отделе лицензий Наркомвнешторга явился некий гр. Кузнец и просил выдать ему разрешение на право получения посылки, высланной ему из Франции через Германию его турином. Посылка, как он мотивировал, послана ему для материальной поддержки его, ибо он, этот Кузнец, человек бедный и несостоятельный. В посылке находилось шесть gross презервативов. Отдел лицензий категорически отказал в этом гр. Кузнецу. Последней однако не успокоился, вошел повидому в соглашение с местным управленем аптек. В одно прекрасное утро в отделе лицензий гр. Кузнец привнес заявление упр. аптеками, в котором последнее просит выдать разрешение на получение 59 посылок с презервативами, полученных на имя гр-на Кузнеця.

Отдел лицензий при НКВТ Бел в этом усмотрел попытку явного нарушения монополии внешней торговли и постановил передать гр. Кузнеця судебной ответственности по 136 ст. уголовного кодекса Гр. Кузнец на суде старался оправдываться и в знании закона и выложил перед судом всю свою биографию, говорил о своем революционном прошлом, как он был комиссаром чека, следователем ревтрибунала в прощол о снисхождении.

«Славно» начал свою деятельность гр. Кузнец, но запутался в презервативах и очутился на скамье подсудимых.

Суд после краткого совещания признал гр. Кузнеця виновным и приговорил его к году принудительных работ и конфискации имущества на 25 р. золотом.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Шурину, Мервину, Буревестнику, Фрейделю Канторуму, О. С. Нурилану, Рабочему 3. рабочему № 14 — Подлет.

ШАХАВВУ, О. С., АНИСИМОВУ, ОЧВИДИЦУ, МЫЩИКУ, Горелку.—Порядков «Возрожд. Дар».

ГРАЖД. дер. ПТИЧЬ.—Нет, недопустимо.

ГУКУ.—Подайте в суд на поща. Газета тут на при чем.

Ответственный редактор
В. НОДЕЛЬ

Пуанкаре отказывается возвратит русские суда.

Франция ждет «нормального» Российского правительства.

В ноте Наркоминделу Пуанкаре указывает, что требование возвращения задержанных Францией в Бизерте судов, уведенных Врангелем, имеет право только правительство, являющееся «нормальным» представителем Российского государства. Советская невласть в глазах французского правительства таковой не является. По отношению к «нормальному» Российскому правительству Франция имеет право задержать суда, как кредитор.

Протест тов. Чичерина.

В ответной ноте товарищ Чичерин указывает, что заявление Пуанкаре произвело в России тяжелое впечатление, как признак недружелюбного отношения французского правительства к Российскому народу. Отказ французского правительства вернуть России суда, ли бы полагившие в американские и английские гавани французские военные суда были бы захвачены английским или американским правительствами, являющимися кредиторами Франции.

Российское правительство возлагает на французское правительство ответственность за все последствия его действий в этом вопросе. Пароходы для экспорта хлеба. В связи с предстоящим экспортом хлеба Государственное пароходство покупает за границей 8 пароходов для северных вод, и два для Балтийского моря.

Оптация польских граждан. Наркоминдел возобновляет оптацию польских подданных, неуспевших своевременно подать заявления о желании выехать на родину.

За рубежом.

Оккупанты требуют прекращения пассивного сопротивления.

БЕРЛИН, 9.7. Французский и бельгийский посланники посетили германского министра иностранных дел и заявили от имени своих правительств, что германское правительство ответственно за саботаж, вследствие его распоряжения о пассивном сопротивлении, и потребовали от германского правительства осуждения саботажа.

Министр иностранных дел заявил, что пассивное сопротивление является результатом стихийного народного сопротивления и поэтому германское правительство его не поддерживает.

Берлинские рабочие поддерживают бастующих металлистов.

БЕРЛИН, 9.7. Демонстрация рабочих, направленные к поддержке бастующих металлистов, всячески преследуются правительством. Рабочие в знак солидарности решили, в свою очередь, потребовать повышения заработной платы.

Всёобщее объединение германских профсоюзов старается поддаться движению, пытаясь из лировать бастующих металлистов. Железнодорожники требуют повышения заработной платы и обещают активную поддержку металлистам.

Преследования рабочих в Румынии.

В Румынии союз промышленников разослал черный список рабочих, подвергнутых локауту за требование повышения заработной платы.

Румынская компартия предпринимает агитационную кампанию под лозунгами: повышение заработной платы, долой войну, контроль над производством фабзавоками, политическая власть рабочим и крестьянам.

Английские донеры продолжают бастовать.

ЛИФИЛЬД, 9.7. Забастовка английских шортовых рабочих продолжается. Бастующие резко возражают против лидеров тред-юнаонов и идут за коммунистами.